

ФРАНЦ
КАФКА

↓
Пропавший
без вести
↑

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Франц Кафка

Пропавший без вести

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8062282

Пропавший без вести (Америка): [роман]. / Франц Кафка ; [пер. с нем. М. Л. Рудницкого].:

«Издательство АСТ»; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-036952-2

Аннотация

Враждебный и бессмысленный мир. Одиночество и трагическая обреченность человека. И назло всему – беспрестанный поиск спасения...

Все это в незаконченном романе Франца Кафки «Пропавший без вести» («Америка»).

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	21
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Франц Кафка

Пропавший без вести (Америка)

Глава первая Кочегар

Когда шестнадцатилетний Карл Росман, высланный родителями в Америку за то, что его соблазнила забеременевшая от него служанка, на усталом, замедляющем ход корабле плавно входил в нью-йоркскую гавань, он вдруг по-новому, будто в неожиданной вспышке солнечного света, увидел статую Свободы, на которую смотрел давно, еще издали. Казалось, меч в ее длани только-только взмыл ввысь, а всю фигуру овевают вольные ветры.

«Высоченная!» – подумал он, вовсе не торопясь на берег и даже не заметив, как хлынувшая на палубу толпа носильщиков мало-помалу оттеснила его к самым бортовым поручням.

Молодой человек, с которым они мельком познакомились в дороге, проходя мимо, спросил:

– Вы что же, сходить не думаете?

– Да я-то готов, – ответил Карл с усмешкой и, то ли из озорства, то ли просто от избытка молодых сил, вскинул чемодан на плечо.

Но, едва глянув вслед своему знакомцу, который уже удалялся вместе со всеми, небрежно поигрывая тросточкой, Карл вдруг вспомнил, что оставил внизу свой зонтик. Карл тотчас же окликнул молодого человека и попросил о любезности – тот, похоже, не слишком-то был обрадован просьбой – присмотреть за чемоданом, а сам, наскоро оглядевшись, чтобы запомнить место, поспешил вниз. Там, однако, он, к досаде своей, обнаружил, что проход, которым скорее всего можно было добраться, впервые за время поездки почему-то – очевидно, в связи с выгрузкой пассажиров, – заперт, и в поисках другой дороги пустился плутать по бесконечным, к тому же петляющим коридорам по лестницам, хоть и не длинным, но многочисленным, миновал чей-то пустой кабинет с покинутым письменным столом посередине, покуда не понял, – ведь он и ходил-то прежде этим путем всего раз или два, да и то не один, а в компании, – что и вправду окончательно заблудился. От растерянности – ибо вокруг не было ни души, только слышалось над головой шарканье тысяч ног да еще, откуда-то издали, слабый, как дыхание, уже стихающий гул застопоренных машин, – он не долго думая принялся колотить в первую попавшуюся дверь, на которую наткнулся в своих блужданиях.

– Да открыто! – послышалось изнутри, и Карл со вздохом облегчения распахнул дверь. – Что вы колотите как сумасшедший? – недовольно спросил здоровенный мужчина, толком даже не взглянув на Карла.

Через отверстие в потолке тусклый, как бы уже отработанный наверху свет сочился в убогую клетушку, где, тесно прижатые друг к другу, громоздились, словно в кладовке, койка, шкаф, стул и этот мужчина.

– Я заблудился, – признался Карл. – В дороге я как-то не замечал, а это, оказывается, жутко большой корабль.

– Да, тут вы правы, – не без гордости согласился мужчина, не переставая возиться с замком небольшого чемодана, на крышку которого он налегал в предвкушении долгожданного щелчка. – Входите же, – сказал он нетерпеливо. – Нечего на пороге стоять.

– А я не помешаю? – спросил Карл.

– Да чем вы можете помешать?

– Вы – немец? – на всякий случай осведомился Карл, наслышанный об опасностях, которые подстерегают в Америке новоприбывших, особенно со стороны ирландцев.

– Немец, немец, – подтвердил мужчина.

Карл все еще колебался. Внезапно мужчина потянулся к дверной ручке и одним рывком прикрыл дверь, впихнув таким образом Карла в каюту.

– Терпеть не могу, когда на меня глазеют из коридора, – буркнул он, снова принимаясь за непокорный чемодан. – И вот, понимаешь, ходят-глазеют, никакого терпения не хватит.

– Но в коридоре-то никого нет, – удивился Карл, в неудобной позе притиснутый к краю койки.

– Это сейчас никого, – раздраженно возразил мужчина.

«Так ведь и речь о том, что сейчас, – мысленно удивился Карл. – С ним, однако, нелегко сговориться».

– А вы ложитесь на койку, там просторней, – посоветовал мужчина.

С грехом пополам Карл влез на койку и тут же рассмеялся над своей тщетной попыткой покачаться на сетке. Но, не успев толком лечь, спохватился:

– Господи, я же совсем забыл про чемодан!

– А где он?

– На палубе, знакомый один там его стережет. Как же его зовут? – И, порывшись в потайном кармане, который мама нашла в дорогу на подкладку пиджака, Карл извлек оттуда визитную карточку. – Вот, Буттербаум. Франц Буттербаум.

– Чемодан очень вам нужен?

– Конечно.

– Тогда зачем же вы доверили его чужому человеку?

– Я зонтик внизу забыл, ну, и побежал, а чемодан тащить не хотелось. А теперь вот еще и заблудился.

– Вы один едете? Без взрослых?

– Один. – «Наверно, стоит держаться этого человека, – мелькнуло у Карла, – более надежного друга мне здесь так сразу все равно не найти».

– А теперь еще и чемодан потеряли. О зонтике я уже не говорю. – Мужчина уселся на стул, словно положение Карла только сейчас до некоторой степени стало его занимать.

– Ну, чемодан-то, наверное, еще не пропал.

– Блажен, кто верует, – хмыкнул мужчина и энергично запустил руку в свои темные, короткие и очень густые волосы. – На корабле, знаете ли, какой порт – такие и нравы. В Гамбурге этот ваш Буттербаум, может, еще и посторожил бы чемодан, а здесь скорей всего обоих и след простыл.

– Но тогда мне надо бежать! – вскинулся Карл, соображая, как бы поскорее выбраться.

– Да лежите вы! – распорядился мужчина и прямо-таки грубо толкнул Карла в грудь, укладывая обратно на койку.

– Это почему же? – запротестовал Карл, начиная злиться.

– Потому что смысла нет, – пояснил мужчина. – Скоро я тоже пойду, вместе и выйдем. А чемодан либо уже украли, и тогда дело дрянь, можете оплакивать его хоть до скончания века, либо этот ваш приятель его стережет, тогда он совсем дурак и пусть постережет еще; ну, а если он просто порядочный человек – значит, чемодан оставил, а сам ушел, народ к тому времени схлынет, легче найдем. И зонтик ваш тоже.

– А вы так хорошо знаете корабль? – спросил Карл недоверчиво, ибо в доводах незнакомца, вообще-то здравых, – дескать, на пустом корабле вещи отыскать легче, – ему почудился некий подвох.

– Так я же тут кочегар, – ответил тот.

– Вы – корабельный кочегар? – вскричал Карл с таким восторгом, будто эта новость превзошла все его ожидания, и даже привстал на локте, рассматривая мужчину во все глаза. – Около каюты, где мы спали со словаком, был такой люк, и можно было заглянуть в машинное отделение.

– Ну да, там я и работал, – подтвердил кочегар.

– А я всегда техникой интересовался, – продолжил Карл, все еще думая о своем. – И обязательно стал бы инженером, если бы не пришлось вот в Америку отправиться.

– Зачем же тогда отправились?

– Да так, – уклончиво ответил Карл, взмахом руки отменяя дальнейшие объяснения.

– Значит, была причина, – рассудил кочегар, и было неясно, то ли он хочет, чтобы Карл об этой причине рассказал, то ли наоборот.

– Теперь вот и я могу стать кочегаром, – сказал Карл. – Моим родителям уже все равно, кем я стану.

– Мое место освобождается, – сообщил кочегар, демонстративно засунул руки в карманы своих мятых, стального цвета дерюжных штанов и, вытянув ноги, забросил их на койку. Карлу пришлось потесниться к стене.

– Вы уходите с корабля?

– Так точно, сегодня отчаливаю.

– Но почему? Вам что, не нравится здесь?

– В том-то и штука, что нашего брата не больно спрашивают, нравится ему или нет. Хотя вообще-то вы правы, да, мне здесь не нравится. Вы, конечно, не всерьез в кочегары надумали, но учтите, именно так проще всего в кочегары и угодить. Только я вам решительно не советую. Коли вы в Европе хотели учиться – почему бы здесь вам не хотеть того же. Американские университеты даже куда лучше.

– Так-то оно так, – согласился Карл. – Но на это деньги нужны, а у меня их считай что нет. Правда, у кого-то я читал, что днем он работал, а ночами учился, пока не стал доктором и, кажется, даже бургомистром. Но ведь это какое терпение нужно, верно? А у меня, боюсь, терпения не хватит. Да и учился я не особенно хорошо и, честно сказать, не очень-то горевал, когда пришлось школу бросить. А здесь, наверно, в школах еще строже. И английского я почти не знаю. К тому же иностранцев тут, по-моему, не слишком-то жалуют.

– А, вы тоже, значит, это заметили? Ну, тогда все в порядке. Тогда вы свой человек. Сами посудите, ведь мы на немецком корабле, компания «Гамбург – Америка», почему же спрашивается, здесь работают не одни только немцы? Почему главный механик – румын? Шубаль его фамилия. Это же неслыханно. Нами, немцами, на немецком корабле помыкает эта скотина! Вы не подумайте, – тут у него от возмущения даже дыхание перехватило, и он замахал руками, – не подумайте, что я вас разжалобить хочу. Я же вижу, вы не бог весть какая птица и сами паренек небогатый. Но уж больно все это мерзко! – С этими словами он несколько раз пристукнул кулаком по столу, не спуская глаз с точки, по которой бил. – Ведь я на стольких кораблях служил! – Тут он одним духом выпалил подряд названий двадцать, Карл совсем запутался. – И отлично служил, меня хвалили, я всегда умел угодить моим капитанам, а на торговом паруснике я даже несколько лет проходил. – Тут он привстал, словно торговый парусник был вершиной всей его жизни. – А здесь, в этом гробу, где все по струночке, где и пошутить нельзя, – здесь я, выходит, ни на что не гожусь, только болтаюсь у Шубаля под ногами, здесь я лодырь, которого давно пора выгнать, а жалованье получаю только из милости. Вы можете это понять? Я – нет.

– Вы не должны этого так оставлять, – сказал Карл взволнованно. Он почти забыл, где находится: шаткий пол корабля, незнакомый континент за бортом – все куда-то ушло, так уютно было ему на койке у кочегара. – А у капитана вы были? У него искали защиты?

– Эх, шли бы вы, шли бы вы лучше! Зачем вы мне здесь? Не слушаете, что вам говорят, а еще лезете с советами! Ну как, как я пойду к капитану?

И кочегар снова как-то обреченно сел, спрятав лицо в ладонях.

«Лучшего совета я ему дать не могу», – подумал Карл. И вообще, решил он, куда умнее, пока не поздно, сходить за чемоданом, чем давать здесь советы, которые вдобавок считают дурацкими. Когда отец на прощанье вручил ему чемодан, он как бы в шутку заметил: «Долго ли он у тебя проживет?..» – и теперь вот, действительно, чемодан, верный попутчик, кажется, уже не в шутку, а по-настоящему потерян. Тут, пожалуй, только одно утешенье – что отец ничего о пропаже не узнает, как не узнает и о нем самом, даже если вздумает наводить справки. До Нью-Йорка добрался, – вот и все, что ему в корабельной компании сообщат. Жаль только, что он почти не успел попользоваться вещами из чемодана, хотя ему, к примеру, давно бы пора сменить рубашку. Выходит, он проявил бережливость не там, где надо; именно сейчас, на пороге самостоятельной жизни, когда просто необходимо опрятно выглядеть, он будет щеголять в грязной рубашке. Хорошее начало, нечего сказать! Если бы не это, потерю вполне можно пережить, костюм на нем даже лучше, чем тот, что в чемодане, тот вообще костюм на черный день, мама перед самым отъездом срочно его штопала. Однако тут он вспомнил, что в чемодане осталась еще палка копченой колбасы, веронская салями, мама в последнюю минуту успела ему эту колбасу тайком сунуть, он и отрезал-то всего ничего, есть почему-то всю дорогу не хотелось, и супа, что раздавали на полупалубе, ему хватало за глаза. Но теперь колбаса была бы очень даже кстати, он подарил бы ее кочегару. Таких людей легко расположить, подсунув им любую мелочь, Карл хорошо это знал по отцу, тот всех низших чинов, с которыми приходилось иметь дело, задабривал сигаретами. Теперь же из того, что можно подарить, у Карла остались только деньги, но деньги он пока что – тем более раз уж он и чемодана вроде бы лишился – трогать не будет. Мысли его снова вернулись к чемодану, и теперь он и вправду не мог уразуметь, чего ради всю дорогу за этот чемодан трясся, почти не спал из-за него, если потом так вот запросто отдал его в чужие руки. Он вспомнил, как пять ночей подряд глаз не смыкал, а все из-за маленького словака, который спал через две койки слева, – Карл наверное знал, что тот на его чемодан зарится. Казалось, он только и ждет, когда Карл, сморенный усталостью, на секунду задремлет, чтобы длинной тростью – он день-деньской с этой тростью то ли играл, то ли упражнялся – перетянуть чемодан к себе. Днем-то этот словак выглядел вполне безобидно, но с наступлением ночи он то и дело приподнимался с койки и грустно так поглядывал на чемодан. Однако Карлу все было видно, благо то тут, то там кто-то из пассажиров, снедаемый страхом неизвестности, зажигал свечу, хоть это и строжайше запрещено корабельным распорядком, и с тревогой вчитывался в загадочные проспекты американских агентств по приему эмигрантов. Если свечка горела поблизости, Карл мог ненадолго прикорннуть, если же свет был далеко или его вообще не было, приходилось смотреть в оба. Вся эта нервотрепка основательно его измотала. А теперь, кажется, эти мучения еще и зря. Ну уж этот Буттербаум, попадетса он ему когда-нибудь!

В этот миг откуда-то издали прежде незыблемую тишину разорвал странный, размеренный стук – точно от множества детских ног, однако стук приближался, нарастал и вскоре превратился в дробный и тяжелый мужской топот. Очевидно, люди шли гуськом, что, пожалуй, в узком коридоре только естественно, но теперь к их топоту добавился лязг, похожий на бряцанье оружия. Карл, блаженно растянувшийся на койке, чуть было не погрузился в глубокий сон, готовый позабыть и словака, и чемодан, и все на свете, но сейчас встрепенулся и даже успел слегка подтолкнуть кочегара, – тот, казалось, не слышит грозного шествия, которое тем временем почти достигло их двери.

– Корабельный оркестр, – пояснил тот. – Играли наверху, теперь идут укладываться. Значит, и нам пора. Пойдемте.

Он подхватил Карла под руку, в последнюю минуту снял со стены над койкой образок Богородицы, запихнул его в нагрудный карман, схватил чемодан и вместе с Карлом решительно вышел из каюты.

– А теперь я пойду в кают-компанию и выложу этим господам все, что я о них думаю. Пассажиров нет, церемониться нечего. – На все лады повторяя на ходу последние слова, он попытался придавить ногой перебежавшую им дорогу крысу, но только слегка задел и, по сути, подтолкнул ее в нору, до которой та вовремя успела добраться. Он вообще был неповоротлив на своих хоть и длинных, но каких-то тяжелых, непослушных ногах.

Они прошли через отсек, где была кухня: несколько девушек в грязных передниках – они нарочно их намочили – в больших чанах мыли посуду. Одну из них, некую Лину, кочегар подозвал и, обхватив чуть ниже талии – она в ответ игриво прижалась к его плечу, – попытался увести с собой.

– Там жалованье дают, пойдешь? – спросил он.

– Вот еще, стану я утруждаться. Лучше ты мне сам принеси, – ответила та, выскользнула у него из-под руки и убежала. – Где это ты подхватил такого красавчика? – крикнула она на бегу и, не дожидаясь ответа, скрылась на кухне. Было слышно, как все девушки, видимо, на время прервавшие работу, дружно рассмеялись.

Они же с кочегаром пошли дальше и вскоре уперлись в массивную дверь с изящным резным фронтоном, который поддерживали миниатюрные позолоченные кариатиды. Для отделки корабельной каюты все это выглядело весьма расточительно. Карл, как он успел заметить, в этой части судна за время поездки ни разу не был, вероятно, она предназначалась лишь для пассажиров первого и второго классов, но сейчас, перед генеральной уборкой, двери, видимо, были настежь и ограничения сняты. Им, и точно, уже попались навстречу несколько матросов со швабрами через плечо, они поздоровались с кочегаром. Карл дивился размаху работ и обилию помещений – у себя на полупалубе он, разумеется, не много успел увидеть. По стенам коридоров змейками тянулись электрические провода, а где-то вдали то и дело позвякивал небольшой колокол.

Кочегар, подобравшись и приосанившись, постучал в дверь и, когда оттуда послышалось «Войдите!», жестом пригласил Карла: мол, смелее. И Карл вошел, но на пороге невольно остановился. Разом из трех огромных окон на него ласково плеснули волны моря, и от их веселого, беззаботного бега у него сильнее забилося сердце, будто и не было пяти долгих, нескончаемых дней, когда он только и видел что море да море кругом. Большущие корабли уверенно бороздили воды залива, ровно настолько поддаваясь качке, насколько им позволяла их солидная стать. Если прищуриться, вообще казалось, что покачиваются они только от собственной тяжести. На их мачтах, туго натянутые встречным ветром, но иногда опадая, трепетали узкие, длинные флаги. Откуда-то издали, должно быть, с военных кораблей, раздавались залпы салюта, а один из таких кораблей как раз проплывал неподалеку, сверкая на солнце сталью расчехленных орудий, дула которых, казалось, до блеска отполированы ветрами хоть и бурных, но победоносных странствий. Мелкие катера и лодки, различимые – по крайней мере отсюда, с порога, – лишь вдалеке, во множестве сновали между большими судами. А за всем этим, еще дальше, вздымался Нью-Йорк, глядя на Карла всей сотней тысяч глазниц своих небоскребов. Да, в этом зале нельзя было не почувствовать, где находишься.

В центре за круглым столом сидели три господина, один – корабельный офицер в голубой морской форме, двое других – портовые чиновники в черных американских мундирах. На столе перед ними стопками лежали всевозможные документы, офицер, держа наготове авторучку, сперва пробежал их глазами, чтобы уж потом передать чиновникам, которые их то прочитывали, то делали выписки, то откладывали в свои папки, а время от времени один из них, тот, что почти непрерывно прицокивал зубом, что-то диктовал другому в протокол.

За письменным столом у окна спиной к дверям сидел низенький, плотный господин и рылся в толстенных гроссбухах, поочередно снимая их с массивной полки над столом, где они в строгом порядке были расставлены. Около него стоял раскрытый и, по крайней мере на первый взгляд, пустой сейф корабельной кассы.

Возле второго окна никого не было, из него-то и открывался самый красивый вид. Зато у третьего негромко беседовали два господина. Один, тоже в корабельной форме, прислонился к стене и поигрывал рукояткой шпаги. Его собеседник, стоя лицом к окну, что-то рассказывал, время от времени наклоняясь вперед и открывая часть орденов на груди офицера. Он был в штатском, с изящной бамбуковой тросточкой, которая, поскольку он держал руки на поясе, тоже оттопыривалась, как шпага.

Впрочем, у Карла было не слишком много времени все как следует разглядеть, ибо вскоре к ним подошел слуга и, глядя на кочегара невидящим взглядом, спросил, что ему тут понадобилось. Кочегар так же тихо, как его спросили, ответил, что хотел бы поговорить с господином главным кассиром. Слуга со своей стороны пренебрежительным жестом эту просьбу отклонил, но все же – на цыпочках, далеко огибая стороной круглый стол – направился к господину с гроссбухами. Было очень хорошо видно, как после слов слуги тот сперва буквально застыл, потом, как бы не веря себе, наконец обернулся на человека, осмелившегося его побеспокоить, сердито замахал руками на кочегара, а заодно, для пущей ясности, и на слугу. После чего слуга, вернувшись к кочегару, тихим, доверительным голосом сообщил:

– Немедленно убирайтесь вон!

Услышав такой ответ, кочегар только безмолвно глянул на Карла, одним этим взглядом поведав ему все невзгоды, обиды и страдания своей бессловесной души. Карл не стал долго раздумывать – сорвался с места, напрямик бросился через зал, даже слегка задев по пути кресло офицера, слуга, растопырив руки и пригнувшись, кинулся за ним, словно пытаясь изловить вредное насекомое, но Карл первым успел к столу главного кассира и крепко ухватился за край на тот случай, если слуга вздумает его оттаскивать.

Вокруг, разумеется, возникло легкое замешательство. Офицер от неожиданности вскочил, портовые чиновники смотрели на Карла спокойно, но с вниманием, два господина у окна придвинулись друг к другу поближе, а слуга, полагая, очевидно, что там, где уже проявили интерес господина, его вмешательство неуместно, наоборот, почтительно отступил назад. Кочегар у дверей напряженно замер, ожидая, когда понадобится его помощь. Наконец и главный кассир тоже соизволил повернуться в своем кресле.

Порывшись в потайном кармане – перед этими господами он не боялся его обнаружить, – Карл вытащил свой заграничный паспорт и вместо дальнейших представлений в раскрытом виде положил на стол. Главный кассир, похоже, не придавал документу особого значения и небрежным щелчком двух пальцев отшвырнул его в сторону, после чего Карл, посчитав, что все необходимые формальности таким образом соблюдены, спрятал паспорт обратно.

– Позволю себе заметить, – начал он, – что по отношению к господину кочегару, на мой взгляд, допущена несправедливость. Тут есть некто Шубаль, который над ним издевается. А он между тем служил на многих кораблях, если надо, он сам их все перечислит, и служил безупречно, прилежен, трудолюбив, честно выполняет свою работу, и совершенно непонятно, почему именно на вашем корабле, где служба вовсе не так тяжела, как, допустим, на торговых парусниках, он вдруг оказался непригоден. Полагаю, всему причиной только клевета и наветы, которые препятствуют его продвижению по службе и лишают его признания, которым в противном случае он бы давно уже пользовался. Я изложил суть дела в самых общих чертах, а конкретные претензии и жалобы он вам выскажет сам.

Карл обращался с этой своей речью ко всем сразу, поскольку, во-первых, его и в самом деле все слушали, а во-вторых, найти справедливого среди многих казалось ему куда веро-

ятней, чем предположить этого справедливого именно в лице главного кассира. Карл к тому же схитрил, умолчав о том, что знает кочегара совсем недавно. А вообще-то он, наверно, говорил бы еще лучше, если бы не красноватая физиономия того господина с тросточкой, – этот господин, которого он только сейчас увидел в лицо, как-то сбивал его с толку.

– Все правда, точка в точку! – громогласно заявил кочегар, хотя его никто ни о чем не спросил и даже не взглянул в его сторону.

Эта поспешность могла бы дорого ему обойтись, если бы господин в орденах – Карла только сейчас осенило, что это и есть капитан, – уже не принял для себя решение все равно кочегара выслушать. Он вытянул руку и властным, твердым голосом, которым, казалось, в пору монеты чеканить, произнес:

– Подойдите сюда!

Теперь все зависело только от самого кочегара, а уж в правоте его дела Карл не сомневался ничуть.

Кочегар, по счастью, сразу показал себя в подобных вещах человеком бывалым. Сохраняя образцовое спокойствие, он деловито, одним точным движением выхватил из чемодана связку бумаг и записную книжку в придачу, после чего, разом перестав замечать главного кассира, как ни в чем не бывало направился со всем этим пряником к капитану. Пришлось главному кассиру встать и податься туда же.

– Это же известный скандалист, – пояснил он усталым голосом. – У кассы его куда легче найти, чем в машинном отделении. Послушайте, вы! – напустился он на кочегара. – Вам не кажется, что в своей назойливости вы слишком далеко заходите? Сколько уже раз вас выпроваживали из бухгалтерии, чего вы своими вздорными и абсолютно необоснованными претензиями вполне заслужили? Сколько раз вы бегали оттуда жаловаться в главную кассу? Сколько раз вам по-хорошему объясняли, что ваш непосредственный начальник – Шубаль и вы как подчиненный обязаны иметь дело только с ним? Так нет же, теперь вы еще сюда заявились и как раз в то время, когда здесь господин капитан, вы даже его не стыдитесь обременять вашими идиотскими дрызгами, нет, у вас еще хватило наглости подучить и привести сюда в качестве ходатая по вашим мерзким делишкам этого юнца, которого я вообще в первый раз на корабле вижу.

С превеликим трудом Карл заставил себя сдержаться. Но капитан и так уже прервал главного кассира, сказав:

– Давайте все же выслушаем человека, раз такое дело. Этот Шубаль, сдается мне, что-то и впрямь стал своевольничать, что, впрочем, еще нисколько не говорит в вашу пользу.

Последнее относилось к кочегару и, разумеется, было только естественно, – не станет же капитан с ходу за него вступаться, – однако пока все шло наилучшим образом. Кочегар приступил к объяснениям и с самого начала сумел пересилить себя, вежливо назвав Шубаля «господином». Как переживал, как радовался за него Карл в эту минуту, стоя, всеми забытый, у стола главного кассира и от полноты удовольствия поигрывая чашечками почтовых весов! Господин Шубаль несправедлив. Господин Шубаль отдает предпочтение иностранцам. Господин Шубаль выставил его из машинного отделения и послал чистить гальюны, что уж в обязанности кочегара никак не входит. Была подвергнута сомнению даже исполнительность господина Шубаля, скорее показная, чем «всамделишная». В этом месте Карл посмотрел на капитана особенно внушительно и со значением, как на равного себе, лишь бы тот не истолковал неловкое, простецкое выражение кочегара к его невыгоде. К тому же из всех этих пространственных речей трудно было уяснить что-либо по существу, и если капитан, в чьем взоре читалась твердая решимость на сей раз выслушать кочегара до конца, все еще смотрел прямо перед собой, то остальные господа стали проявлять нетерпение и рассеянность, так что вскоре голос кочегара уже не господствовал в зале безраздельно, а это был плохой знак. Первым зашевелился господин в штатском – негромко, но внятно начал

постукивать тросточкой по паркету. Остальные, разумеется, уже искоса на него поглядывали, портовые чиновники – время их явно поджимало – снова, пока, правда, еще как бы с отсутствующими лицами, зашуршали бумагами, офицер, понятное дело, тут же придвинулся к столу, а главный кассир, уже не сомневаясь в своей победе, с притворной иронией выпускал глубокие вздохи. Только слугу, кажется, не затронул этот холодок всеобщего равнодушия, он один какой-то частицей души еще сочувствовал невзгодам бедного человека, столь беззащитного среди этих важных господ и, глядя на Карла, серьезно кивал, будто и сам хотел что-то объяснить.

За окнами между тем шла своим чередом хлопотливая портовая жизнь: длинный, плоский грузовой корабль, груженный горой бочек, уложенных, очевидно, с величайшим искусством – ни одна не перекатывалась, – тяжело прополз мимо и на миг погрузил все помещение в полумрак; юркие моторки, – Карл, будь у него побольше времени, с удовольствием бы как следует их разглядел, – послушные малейшему движению рулевого, твердо стоящего у штурвала, закладывали крутые виражи и стрелой неслись дальше; странные плавающие предметы, должно быть, буи, то тут, то там как бы сами собой всплывали над беспокойными водами и, захлестнутые новой волной, мгновенно скрывались от изумленного взора; шлюпки с океанских лайнеров, повинувшись дружным и спорным усилиям налегающих на весла матросов, спешили к причалу, полные пассажиров, которые смирно и настороженно сидели на скамейках, стиснутые, как сельди в бочке, боясь пошевелиться, и лишь немногие смельчаки, не в силах удержаться при виде переменчивых портовых декораций, с любопытством вертели головами по сторонам. И всюду движение, движение без конца, и вечное беспокойство, передавшееся от всемогущей стихии бессильным людишкам и творениям их неугомонных рук!

Ситуация, однако, требовала быстроты, четкости, неукоснительной ясности изложения – а что вместо этого делал кочегар? Говорил он, правда, много и с пеной у рта, но бумаги с подоконника давно уже не держались в его трясущихся руках, со всех сторон метал он в Шубаля громы и молнии, и каждого из этих обвинений по отдельности было, на его взгляд, вполне достаточно, чтобы похоронить этого Шубаля раз и навсегда, – однако, нагроможденные перед капитаном скопом, они являли собой лишь плачевную и совершенно невнятную мешанину. Давно уже негромко что-то насвистывал, поглядывая в потолок, господин с тросточкой, портовые чиновники снова взяли в оборот корабельного офицера, и казалось, уже никогда его не отпустят, а главного кассира так и подмывало вмешаться и сдерживало лишь каменное спокойствие капитана. Слуга в почтительной готовности не сводил с капитана глаз, с секунды на секунду ожидая приказа выставить кочегара вон.

Нет, бездействовать дольше нельзя. И Карл медленно направился к группе, тем лихорадочнее прикидывая на ходу, как бы половчее повернуть все дело. И вовремя, очень вовремя! Еще чуть-чуть – и они с кочегаром в два счета отсюда бы вылетели. Пусть капитан и неплохой человек, к тому же именно сегодня, Карл чувствовал, по каким-то своим причинам он особенно расположен показать себя справедливым начальником, но не игрушка же он, в конце концов, чтобы вертеть им как вздумается, а именно так, увы, и обходился с ним кочегар, правда, без злого умысла, а исключительно по простоте своей безмерно возмущенной души.

И Карл сказал кочегару:

– Вам надо проще все это рассказать, яснее, господин капитан не в состоянии разобратся, когда вы так рассказываете. Разве обязан он знать по фамилиям или, подавно, по именам и кличкам всех машинистов и младших матросов, которых вы тут подряд называете, как будто ему сразу ясно, о ком речь? Изложите ваши жалобы по порядку, начните с главных, а уж потом, по мере важности, переходите к менее существенным, возможно, большинство из них тогда и вовсе не понадобится упоминать. Мне-то вы всегда так складно все излагали!

«Если в Америке можно красть чемоданы, то и приврать немного тоже не грех», – подумал он в оправдание себе.

Только бы помогло! Не слишком ли поздно? Кочегар, правда, едва слышав знакомый голос, тотчас же осекся, но его взгляд, затуманенный слезами попорченной мужской чести, прошлых жестоких обид, нынешней крайней безысходности, – взгляд его плохо узнавал Карла. Да и как ему, – молча глядя на него, тоже умолкшего, Карл только теперь это осознал, – как ему вдруг, ни с того ни с сего, обучиться иной, более складной речи, особенно сейчас, когда он только что – и без тени успеха – все, что можно было сказать, уже выложил, а с другой стороны, получается, вроде бы ничего еще не сказал, и нет ни малейшей надежды убедить всех этих важных господ выслушать его еще раз. И вот в такую минуту еще и Карл, единственная его подмога, принимается учить его уму-разуму, только показывая тем самым, что все, все пропало.

«Надо бы раньше мне вмешаться, чем в окно глазеть!» – подумал Карл, низко склоняя голову под взглядом кочегара и уронив руки по швам в знак того, что надеяться больше не на что.

Но кочегар все истолковал иначе, возможно, в жесте Карла ему почудились какие-то скрытые упреки, и теперь, в благом намерении их опровергнуть, он увенчал свои деяния еще и тем, что принялся с Карлом спорить. Это теперь-то, когда чиновники и офицер за столом уже давно не скрывали возмущения ненужным шумом, который только мешает им в их важной работе, когда главный кассир мало-помалу стал находить долготерпение капитана необъяснимым и уже сам готов был вот-вот взорваться, когда слуга, снова всецело на стороне своих хозяев, испепелял кочегара негодующим взглядом, когда, наконец, господин с тросточкой, на которого сам капитан, как бы извиняясь, – кочегар его вконец допек, больше того, он ему опротивел, – дружелюбно поглядывал, так вот, этот господин извлек из кармана маленькую записную книжечку и, видимо, занявшись каким-то своим делом, перевел глаза с книжечки на Карла и обратно.

– Да я знаю, знаю, – приговаривал Карл, стараясь, несмотря на спор, сохранить на лице дружескую улыбку и пробиться этой улыбкой сквозь обрушившийся на него поток слов. – Вы правы, правы, я-то никогда в этом не сомневался.

Будь его воля, он бы первым делом схватил и задержал эти безостановочно мелькающие руки, ибо уже всерьез опасался ненароком получить затрещину, еще лучше было бы просто затолкать кочегара куда-нибудь в угол, где их никто бы не услышал, и там шепнуть ему несколько тихих, успокоительных слов. Но куда там – кочегар рвал и метал. Понемногу Карл даже начал черпать нечто вроде надежды в странной, но утешительной мысли, что кочегар, быть может, сумеет убедить присутствующих одной только силой своего отчаяния. А кроме того, он успел заметить на одном из столов пульт управления с множеством кнопок – в случае чего одного нажатия ладони будет достаточно, чтобы в бесконечных коридорах этого корабля, переполненного чужими, враждебными людьми, поднялся невообразимый переполох.

Но тут Господин с тросточкой, прежде столь ко всему безучастный, вдруг приблизился к Карлу и не слишком громко, но даже сквозь крик кочегара вполне отчетливо спросил:

– А вас, собственно, как зовут?

В ту же секунду, будто кто-то только и ждал этих слов, в дверь постучали. Слуга вопросительно посмотрел на капитана, тот кивнул. Лишь тогда слуга подошел к двери и распахнул ее. На пороге, в потертом армейском кителе, стоял человек среднего сложения, неприметной наружности, в которой ничто не выдавало ни особой склонности, ни причастности к машинам, и тем не менее это был – да, Шубаль. Если бы Карл тотчас не догадался об этом по выражению удовлетворенного злорадства в глазах всех присутствующих, – увы, даже капитана оно не обошло, – он все равно, к ужасу своему, понял бы это по виду кочегара:

тот с такой яростью стиснул кулаки, что казалось, нет для него сейчас ничего важнее этого неистового усилия, ради которого он готов пожертвовать всем на свете. Именно там, в кулачищах, сосредоточились все его силы, похоже, даже те, что вообще удерживали его на ногах.

Так вот он, значит, враг, самоуверенный и коварный, даже приодевшийся, с папкой под мышкой – там, наверно, платежные ведомости и табель кочегара, – стоит как ни в чем не бывало и с наглой беззастенчивостью заглядывает в глаза всем по очереди, чтобы первым делом уяснить, кто и как в данный момент к нему относится. Эти семеро, конечно, уже на его стороне, хоть у капитана и были, а может, только начинали появляться на его счет кое-какие сомнения, но теперь, после всего, что он от кочегара вытерпел, капитан, похоже, ни малейших претензий к Шубалю не имеет. С такими, как кочегар, любой строгости мало, а Шубалья если в чем и можно упрекнуть, то лишь в одном – что так и не сумел обломать этого кочегара до конца и тот даже набрался наглости к нему, капитану, сегодня заявиться.

Оставалось, впрочем, надеяться, что контраст между кочегаром и Шубалем, своей разительностью достойный внимания и куда более высокого форума, не укроется и от присутствующих, ибо этот Шубаль хоть и мастак притворяться, но рано или поздно все равно не сдержится и чем-нибудь себя выдаст. Одной малюсенькой вспышки его подлости будет достаточно, а уж о том, чтобы господу ее заметили, Карл позаботится. Он ведь уже успел наскоро оценить слабости, причуды, меру проницательности каждого, и с этой точки зрения время, проведенное здесь, потрачено вовсе не зря. Если бы еще кочегар держался получше, но он, похоже, уже совсем не боец. Казалось, подведи, подай ему сейчас этого Шубалья – и он своими кулачищами расколлет эту ненавистную черепушку, как гнилой орех. Но вот сделать хотя бы шаг навстречу своему врагу он, видимо, уже вряд ли способен. И как это Карл не предусмотрел такую очевидную и легко предсказуемую вещь – рано или поздно, не по собственному почину, так по вызову капитана Шубаль, конечно же, неминуемо должен был явиться! Почему по дороге сюда они с кочегаром не обсудили точный план боевых действий, вместо того чтобы сдуру, на ура, без всякой выучки и подготовки ломиться в дверь, как они это сделали? В силах ли кочегар вообще говорить, хотя бы отвечать «да» или «нет», если это потребуется на перекрестном допросе, который – впрочем, лишь при самом благоприятном обороте дела – его еще ждет? Он и так еле стоит, ноги расставлены, в коленях дрожь, голова чуть запрокинута, а раскрытый рот с таким присвистом втягивает воздух, будто в груди у него вместо легких испорченный, дырявый насос.

Сам-то Карл ощущал в себе столько сил и такую ясность мыслей, как, пожалуй, никогда прежде – даже там, дома. Видели бы сейчас родители, как их сын в чужой стране перед этими важными лицами смело отстаивает добро, и пусть пока не довел дело до победы, но готов биться до последнего. Что бы они теперь о нем сказали? Похвалили бы, обласкали, усадили бы между собой? Взглянули бы хоть раз, один лишь разочек в его любящие, преданные глаза? Пустые вопросы, и самое неподходящее время о них гадать!

– Я пришел, поскольку полагаю, что кочегар обвинил меня в каких-то там махинациях. Девушка с кухни сказала мне, что видела, как он сюда направляется. Господин капитан и вы все, господа, с записями в руках, а если понадобится, то и с помощью непредвзятых и беспристрастных свидетелей, которые ждут за дверью, я готов опровергнуть любые обвинения.

Так начал Шубаль. Во всяком случае, это была ясная, осмысленная человеческая речь, и по изменениям в лицах слушателей можно было подумать, что они впервые за долгое время снова слышат членораздельные звуки человеческого голоса. И не заметили, между прочим, что даже в этой распрекрасной речи имеются прорехи! Почему, едва приступив к сути дела, Шубаль сам, первым заговорил о «махинациях»? Может, именно на этом, а вовсе не на его национальных предрассудках стоило сосредоточить обвинение? Девушка с кухни видела, как кочегар сюда направляется, а Шубаль так сразу и смекнул, что к чему? Что же еще, как не боязнь разоблачения, так обострило его чутье? И свидетелей сразу притащил, да еще не

постеснялся назвать их «непредвзятыми и беспристрастными»! Надувательство, чистойшей воды надувательство, а господа все это терпят и даже считают, видимо, приличным поведением! Зачем, спрашивается, Шубаль упустил так много времени от разговора с девушкой до своего прихода сюда?

Да с одной только подлой целью – дожидаться, покуда кочегар настолько утомит слушателей, что те утратят способность рассуждать здраво, а именно здравых рассуждений Шубаль и опасается больше всего! Разве не стоял он сперва – и наверняка долго стоял – под дверью, разве не постучался лишь в ту минуту, когда услышал посторонний вопрос того господина и понадеялся, что с кочегаром покончено?

Тут все ясней ясного, и Шубаль, сам того не желая, это только подтвердил, но господам, видимо, надо растолковать это иначе, нагляднее. Надо их встряхнуть хорошенько. Ну же, Карл, живей, не упусти хотя бы эту минуту, пока не ввалились свидетели и не нагородили бог весть чего.

Но капитан взмахом руки остановил Шубаля – тот, мигом смекнув, что с его делом решили повременить, тут же отступил в сторонку и завел тихую, но оживленную беседу с немедленно примкнувшим к нему слугой, в ходе коей беседы не обошлось без косых взглядов в сторону Карла и кочегара, равно как и без самой недвусмысленной жестикуляции. Похоже, Шубаль репетировал свою следующую, теперь уже большую речь.

– Вы о чем-то хотели спросить этого молодого человека, не так ли, господин Якоб? – во всеобщей тишине обратился капитан к господину с тросточкой.

– Совершенно верно, – отозвался тот, легким поклоном поблагодарив за внимание. И снова спросил у Карла: – Как все-таки вас зовут?

Карл, полагая, что в интересах главного дела лучше уж поскорее отвязаться от этого настырного господина с его вопросами, ответил коротко, не предьявляя, вопреки своему обыкновению, паспорта, за которым еще надо было лезть:

– Карл Росман.

– Позвольте, – вымолвил тот, кого величали господином Якобом, и со слабой улыбкой, как бы не веря себе, слегка попятился. Станным образом и капитана, и главного кассира, и даже слугу имя Карла повергло в крайнее изумление. Лишь портовые чиновники и Шубаль не выказали по этому поводу никаких чувств.

– Позвольте, – повторил этот господин Якоб и медленным, как бы даже торжественным шагом направился к Карлу. – Но тогда, выходит, я твой дядя Якоб, а ты, значит, мой дорогой племянник! Я так и чувствовал, что это он! – сказал он капитану, прежде чем обнять и расцеловать Карла, который оторопело ему это позволил.

– А вас как зовут? – спросил Карл, когда его выпустили из объятий, спросил хоть и очень вежливо, но как-то отрешенно, силясь предугадать, какими последствиями это новое событие может обернуться для кочегара. Пока что непохоже, чтобы Шубаль на этом что-то мог выгадать.

– Да вы поймите, молодой человек, свое счастье! – воскликнул капитан, посчитав, вероятно, что вопрос Карла каким-то образом задевает достоинство столь важной особы, как господин Якоб, который тем временем отошел к окну и отвернулся, дабы не показывать остальным свое взволнованное лицо, вдобавок осушая его носовым платком. – Это же сенатор Эдвард Якоб, он согласился признать себя вашим дядей. Теперь вас ждет, полагаю, вопреки всем вашим прежним ожиданиям, самая блестящая карьера. Попытайтесь же это осознать, насколько это вообще возможно в первые минуты, и соберитесь.

– Вообще-то у меня есть дядя в Америке, – сказал Карл, глядя на капитана. – Но, сколько я понял, Якоб – это ведь фамилия господина сенатора?

– Именно так, – подтвердил капитан, все еще не понимая, в чем дело.

– Ну вот, а моего дядю, брата моей матери, Якобом зовут по имени, а фамилия у него, конечно, должна быть та же, что у моей матери, урожденной Бендельмайер.

– Что, господа, каково! – воскликнул сенатор, бодро возвращаясь с места своей кратковременной передышки и, видимо, имея в виду заявление Карла.

Все, исключая портовых чиновников, дружно рассмеялись – одни с умилением, другие как-то неопределенно.

«Ничего такого особенно смешного я вроде бы не сказал», – подумал Карл.

– Господа! – вновь воскликнул сенатор. – Против воли – и моей, и вашей – вы стали соучастниками небольшой семейной сцены, а посему считаю своим долгом дать вам необходимые разъяснения, поскольку, как я понимаю, лишь господин капитан – упоминание о капитане имело следствием взаимный поклон – осведомлен о деле полностью.

«Теперь надо и впрямь следить за каждым словом», – сказал себе Карл и несколько приободрился, краем глаза успев заметить, что кочегар начинает подавать слабые признаки жизни.

– Долгие годы моего пребывания в Америке, – впрочем, слово «пребывание» не слишком подобает американскому гражданину, а я всей душой американский гражданин, – так вот, все эти долгие годы я живу совершенно обособленно от моей европейской родни, по причинам, которые, во-первых, к делу не относятся, а во-вторых, рассказ о них увел бы нас слишком далеко. Я даже слегка побаиваюсь той минуты, когда вынужден буду поведать о них моему дорогому племяннику, и уж тогда, к сожалению, нам не избежать разговора начистоту и об его родителях, и об остальных сородичах.

«Да, несомненно, это мой дядя, – подумал Карл и стал слушать еще внимательней. – Должно быть, он изменил фамилию».

– Родители моего дорогого племянника, – давайте назовем вещи своими именами, – попросту решили от него избавиться, как избавляются от надоевшей кошки, вышвыривая ее за дверь. Этим я вовсе не хочу приукрасить проступок моего племянника, за который он был так жестоко наказан, – приукрашивать вообще не в обычаях американцев, – однако провинность его такого свойства, что одно лишь ее название содержит в себе достаточно поводов и причин ее простить.

«Говорит он, конечно, складно, – подумал Карл, – но я не хочу, чтобы он всем это рассказывал. Да и не может он всего знать. Как, откуда? Но погоди, вот посмотришь, он все знает лучше всех».

– Просто-напросто, – продолжал дядя, опершись на бамбуковую трость и слегка покачиваясь взад-вперед, чем ему и впрямь удалось лишить свой рассказ чрезмерной напыщенности, которая в противном случае была бы неизбежна, – просто-напросто его соблазнила служанка, Иоганна Бруммер, особа лет тридцати пяти. Говоря «соблазнила», я вовсе не хочу оскорбить чувства моего племянника, но, право же, более подходящее слово я просто затрудняюсь подобрать.

Карл, уже довольно близко подошедший к дяде, в этом месте его рассказа резко обернулся, чтобы видеть лица присутствующих. Нет, никто не смеется, все слушают терпеливо и серьезно. Да и нельзя, в самом деле, смеяться над племянником сенатора при первом удобном случае. Скорее уж, пожалуй, кочегар, но и то едва заметно, улыбается Карлу, что, во-первых, отраднее само по себе как еще один признак жизни, а во-вторых, вполне простительно, поскольку в разговоре с ним Карл пытался покрыть эту историю завесой тайны, а теперь вот она оглашена во всеуслышанье.

– Так вот, эта самая Бруммер, – продолжил дядя, – забеременела от моего племянника и родила превосходного мальчика, окрестив его Якобом, несомненно, в честь вашего покорного слуги, который – даже по упоминаниям моего племянника, наверняка случайным и несущественным, – произвел на девушку большое впечатление. Добавлю от себя: по сча-

стью. Ибо родители моего племянника во избежание уплаты алиментов и, видимо, прочих грозивших им скандальных неприятностей – придется подчеркнуть, что мне не слишком известны как тамошние законы, так и особые семейные обстоятельства, помню только два давних нищенских письма от родителей мальчика, которые я хоть и оставил без ответа, но все время хранил, чем, кстати говоря, и исчерпывается вся наша, к тому же односторонняя переписка за все эти годы, – итак, поскольку родители во избежание уплаты алиментов и скандала попросту посадили своего сына, моего дорогого племянника, на корабль и отправили в Америку, снарядив его, как нетрудно заметить, для такого путешествия непросто и безответственно и скудно, то мальчик, брошенный на произвол судьбы, полагаю, затерялся бы и погиб в первом же портовом переулке Нью-Йорка, если бы не чудеса и счастливые совпадения, возможные только в Америке и больше нигде, и если бы не та служанка, ибо она в отправленном на мое имя письме, которое после долгих блужданий лишь вчера попало в мои руки, поведала всю эту историю, подробно указав в конце приметы моего племянника, а также – что было весьма предусмотрительно – и название корабля. Если бы мне вздумалось поразвлечь вас, господа, я не преминул бы зачитать избранные отрывки из этого послания. – Тут он вынул из кармана два огромных, убористо исписанных листа и помахал ими в воздухе. – Оно, несомненно, возымело бы успех, ибо написано с простоватой, но подкупающей хитростью и исполнено неподдельной любви к отцу ее ребенка. Но я не хочу ни развлекать вас дольше, чем это надобно для необходимого разъяснения, ни, тем паче, особенно в первые минуты встречи, беречь, возможно, еще не угасшие чувства моего племянника, – он, если пожелает, сможет в назидание себе прочесть это письмо в тиши своей комнаты, которая его уже ждет.

Но у Карла не было никаких таких чувств к этой служанке. В суете и сумятице уходящих в безвозвратное прошлое дней она так и осталась где-то там, на кухне, где она сидела возле буфета, локтями опершись на его нижнюю тумбу. Она смотрела на Карла, когда он изредка заходил на кухню – отнести отцу стакан воды или по каким-то маминым поручениям. Иногда, примостившись в неловкой позе все у того же буфета, она сочиняла письмо и, поглядывая на Карла, казалось, черпала вдохновение в его лице. А часто просто сидела, прикрыв глаза рукой, и тогда обращаться к ней было совершенно бесполезно. Бывало, Карл мимоходом и не без испуга замечал в приоткрытую дверь, как она молится в своей каморке возле кухни, стоя на коленях перед деревянным распятием. В иные же дни она металась по кухне, как ведьма, и с жутким смехом отскакивала, если Карл попадался ей на дороге. Или вдруг, стоило Карлу зайти на кухню, закрывала дверь и, прислонившись к ней спиной, до тех пор держала ручку, покуда Карл сам не потребует его пропустить. Порой зачем-то приносила Карлу какие-то безделушки, совершенно ему ненужные, и молча совала в руку. Но однажды она вдруг сказала: «Карл!» – и со странными вздохами и ужимками повела его, все еще изумленного столь неожиданным обращением, в свою каморку, дверь которой тут же заперла. Там она обхватила его за шею и стала душить в объятиях, зачем-то упрашивая Карла ее раздевать и при этом раздевая его, потом уложила в свою постель, словно решив отныне никому его не отдавать и нежить и лелеять его до скончания века. «Карл, о мой Карл!» – восклицала она, будто видит его впервые в жизни и хочет навсегда оставить в своем владении, в то время как он ровным счетом ничего не видел, ему было жарко и тесно под кучей подушек и одеял, которую она, похоже, заранее приготовила и теперь на него навалила. Потом она сама легла к нему и все допытывалась о каких-то тайнах, а он ничего не мог ей на это ответить, и она сердилась не то в шутку, не то всерьез, тормозила его, слушала его сердце, предлагала послушать свое, пытаясь притянуть его голову к своей груди, но Карл так и не дал ей этого сделать, прижималась к его телу голым животом и до того отвратительно шарилась у него между ногами, что Карл уже почти было выбрался из-под подушек, но тут она несколько раз как-то по-особенному ткнула в него животом, Карл вдруг ощу-

тил, что она как бы стала частью его самого, и может, именно поэтому его охватило чувство тоскливой беспомощности. Наконец, после ее многочисленных и пылких просьб о новых встречах, Карл, весь в слезах, ушел спать к себе в комнату. Вот как все было, но дядя даже из этого сумел сочинить целую историю. А служанка, значит, все-таки тоже о нем помнит и известила дядю о его приезде. Что ж, очень трогательно с ее стороны, за это, если надо, Карл, пожалуй, отблагодарил бы ее еще раз.

– А теперь, – воскликнул сенатор, – теперь я хочу, чтобы ты во всеуслышанье заявил, дядя я тебе или не дядя?

– Ты мой дядя, – сказал Карл, целуя ему руку, за что был удостоен поцелуя в лоб. – И я очень рад, что тебя встретил, но ты заблуждаешься, если думаешь, будто мои родители говорили о тебе только плохое. Но и помимо этого были в твоём рассказе кое-какие ошибки, то есть, я хотел сказать, на деле не все обстояло так, как ты рассказываешь. Но отсюда, издали, тебе и вправду трудно судить о наших делах, к тому же, я думаю, большой беды не будет, если господа с некоторыми неточностями узнают об истории, которая вряд ли их слишком волнует.

– Отлично сказано, – подхватил сенатор и, подведя Карла к капитану, который всем видом выказывал живейшее участие, спросил: – Ну, разве не молодчина у меня племянник?

– Я счастлив, господин сенатор, познакомиться с вашим племянником, – ответил капитан с поклоном, на какой способны лишь люди военной выучки. – Для моего корабля это особая честь – стать местом столь знаменательной встречи. Вот только путешествие на полупалубе прошло, должно быть, весьма скверно, ну да разве угадаешь, где кого везешь. Мы однажды даже первенца какого-то знатного венгерского магната – фамилию вот только забыл, и почему так получилось, тоже не помню – через весь океан на полупалубе везли. Я только потом, задним числом об этом узнал. Правда, мы делаем все, чтобы по мере возможности облегчить людям путешествие на полупалубе, по крайней мере гораздо больше, чем, скажем, американские компании, но превратить подобную поездку в удовольствие пока что выше наших сил.

– Да ничего мне не сделалось, – успокоил его Карл.

– Ему ничего не сделалось, – громко повторил сенатор со смехом.

– Вот только чемодан я, боюсь... – И тут Карл, вспомнив обо всем, что случилось и что еще предстоит сделать, оглянулся по сторонам и обнаружил, что все вокруг так до сих пор и стоят на своих прежних местах, онемев от изумления и почтительности и не сводя с него глаз. Лишь портовые чиновники, насколько можно было заключить по выражению их самодовольных, непроницаемых физиономий, видимо, сожалели о том, что пришли в столь неудачное время, – карманные часы, лежавшие перед ними на столе, были для них куда важнее всего, что произошло и еще, возможно, могло произойти в этом зале.

Любопытно, что первым, кто после капитана выразил Карлу свое участие, оказался именно кочегар.

– От всей души вас поздравляю, – сказал он, тряся Карлу руку и желая, видимо, выказать таким образом свою признательность. Однако когда он с теми же словами потянулся было к сенатору, тот отпрянул с таким видом, будто кочегар превысил все дозволенные ему права; кочегар, впрочем, тут же и отступился.

Зато остальные теперь-то уж сообразили, что делать, и вокруг Карла и сенатора незамедлительно поднялась суматоха. Вышло так, что Карл получил поздравления даже от Шубалья, принял их и поблагодарил. Последними, когда уже снова водворилось спокойствие, подошли портовые чиновники и сказали несколько слов по-английски, что произвело довольно комичное впечатление.

Сенатор, явно смакуя удовольствие, был расположен оживить в памяти, а заодно и донести до собравшихся даже мелкие, незначительные подробности, что, разумеется, было

встречено не только с вежливым вниманием, но и с величайшим интересом. Так, он припомнил, что занес в свою записную книжку наиболее броские из упомянутых в письме служанки примет Карла, на тот случай, если понадобится воспользоваться ими на месте. И вот, пока кочегар нес свою невообразимую околесицу, он, сенатор, исключительно с одной только целью – отвлечься, достал эту самую книжицу и забавы ради попытался найти во внешности Карла хоть что-то общее с наблюдениями кухарки, наблюдениями, в плане криминалистики, прямо скажем, не вполне совершенными.

– Вот так находят племянников! – заключил он таким тоном, будто не прочь еще раз получить поздравления.

– А что теперь будет с кочегаром? – спросил Карл, как бы пропустив мимо ушей этот дядин рассказ. Он полагал, что теперь, в новом положении, можно что думаешь, то и говорить.

– С кочегаром поступят, как он того заслуживает и как сочтет нужным господин капитан, – сухо ответил сенатор. – И вообще, по-моему, довольно с нас кочегара, сверх всякой меры довольно, в чем, смею полагать, каждый из присутствующих господ меня поддержит.

– Дело же не в этом, дело в справедливости, – возразил Карл. Он стоял как раз посередине между дядей и капитаном и, должно быть, благодаря такой расстановке полагал, что право решения в его руках.

Но кочегар уже ни на что больше не надеялся. Руки он засунул за ремень, который от его взволнованных движений давно вылез из-под куртки вместе с полоской узорчатой нательной рубашки. Его это ничуть не беспокоило, он высказал все, что наболело, теперь пусть поглядят на тряпье, которым он прикрывает наготу, а там пусть хоть выносят. Он уже прикинул, что эту последнюю услугу ему, должно быть, окажут слуга и Шубаль как низшие здесь по рангу. Шубаль вздохнет наконец спокойно, никто не будет доводить его до отчаяния, как соизволил выразиться главный кассир. Капитан наймет одних румын, все начнут говорить по-румынски, глядишь, дело и впрямь пойдет замечательно. Никто не будет устраивать скандалы у главной кассы, а его последний скандал запомнится всем даже как событие весьма приятное, потому что оно, сенатор ведь ясно сказал, косвенно содействовало опознанию племянника. Этот племянник, кстати, действительно, и не один раз честно пытался ему помочь, так что загодя и более чем сполна отблагодарил его, кочегара, за это нечаянное содействие; у него, кочегара, и в мыслях нет ждать от парнишки чего-то еще. Да и вообще, пусть он и племянник сенатора, но до капитана ему далеко, а капитан рано или поздно еще скажет свое суровое слово. Соответственно этим своим рассуждениям кочегар, будь его воля, и не смотрел бы на Карла, но в этом зале, где сплошь одни враги, его взгляду, увы, больше не на ком было задержаться.

– Не суди опрометчиво, – сказал сенатор Карлу. – Допускаю, что тут дело в справедливости, но еще и в дисциплине. И то, и, в особенности, другое здесь, на корабле, целиком в ведении господина капитана.

– Вот именно, – буркнул кочегар. Все, кто слышал и разобрал его реплику, отчужденно улыбнулись.

– Мы и без того отвлекли капитана от его служебных обязанностей, которых у него именно сейчас, по прибытии в Нью-Йорк, невероятно много, так что самое время нам с тобой покинуть корабль, а не обременять господина капитана еще и бесполезным вмешательством в мелкую свару двух машинистов, раздувая из нее бог весть какое событие. Впрочем, я вполне понимаю твои добрые побуждения, дорогой племянник, но именно это и дает мне право срочно тебя отсюда увести.

– Я немедленно распоряжусь спустить для вас шлюпку, – сказал капитан, к удивлению Карла, ничуть не возразив на слова дяди, которые, несомненно, отдавали притворным само-

уничижением. Главный кассир опрометью кинулся к столу и по телефону передал приказ капитана боцману.

«Время не ждет, – размышлял Карл, – но я ничего не могу поделать, не оскорбив при этом всех. Не могу же я бросить дядю, который и так еле меня нашел. Капитан, правда, вежлив, но не более того. Когда дело доходит до дисциплины, вся его вежливость кончается, тут дядя наверняка прав и высказал его сокровенные мысли. С Шубалем я говорить не хочу, даже досадно, что я подал ему руку. А все остальные здесь так, мелкая сошка».

Медленно, все еще в раздумье, он подошел к кочегару, вытянул его правую руку из-под ремня и так, на весу, задержал в своей.

– Почему же ты ничего не скажешь? – спросил он. – Почему позволяешь все это?

Кочегар только собрал в складки лоб, словно мучительно подыскивал то, что ему нужно сказать. Сам же смотрел вниз, на свою руку в руке Карла.

– Ты же пострадал от несправедливости, как никто на этом корабле, я точно знаю. – И Карл медленно пропустил и сплел свои пальцы с пальцами кочегара, который, подняв голову, смотрел на всех влажным взглядом, словно на него снизошло неизъяснимое блаженство и никто не вправе его за это осуждать.

– Но ты должен защищаться, говорить хотя бы «да» и «нет», иначе люди никогда не узнают правды. Обещай мне, что так и сделаешь, потому что сам я, боюсь, по многим причинам уже ничем не смогу тебе помочь.

И тут, целуя кочегару руку, Карл, наконец, расплакался и прижал эту шершавую, почти безжизненную ладонь к своей щеке, словно расстается с самым дорогим, что у него есть на свете.

Однако к нему уже подоспел дядюшка-сенатор и хоть и ласково, но непреклонно тянул в сторону.

– Кочегар, видно, совсем тебя обворожил, – приговаривал он, через голову Карла многозначительно поглядывая на капитана. – Ну конечно, ты был совсем один, нашел своего кочегара, ты благодарен ему, все это, разумеется, весьма похвально. Но прошу, хотя бы ради меня, умерь свои чувства и учись помнить о своем положении.

За дверью неожиданно возник шум, послышались крики и даже удар о стенку, как будто кого-то с силой пихнули. Вошел матрос, порядком встрепанный и в женском переднике.

– Там люди! – выпалил он и дернул локтем, словно все еще от кого-то отбиваясь. Наконец пришел в себя, хотел отдать капитану честь, но тут заметил передник, сорвал его и в ярости швырнул на пол. – Вот черт, они мне еще передник нацепили, – воскликнул он. И уже потом щелкнул каблуками и отдал честь.

Кто-то попробовал засмеяться, но капитан строго спросил:

– Это еще что за шуточки? Кто это там?

– Это мои свидетели, – сказал Шубаль, делая шаг вперед. – Покорнейше прошу извинить их неподобающее поведение. Но после плавания, в порту, люди иногда просто как с цепи срываются.

– Немедленно их сюда! – приказал капитан и, обернувшись к сенатору, любезно, но уже почти скороговоркой сказал: – А теперь, будьте добры, многоуважаемый господин сенатор, следуйте вместе с вашим господином племянником за этим матросом, он посадит вас в шлюпку. Излишне говорить, какое удовольствие и какая честь для меня лично познакомиться с вами, господин сенатор. Весьма надеюсь, что вскоре мне выпадет возможность снова встретиться с вами и продолжить нашу прерванную беседу о положении дел в американском флоте, если только нас опять не прервут столь же приятным образом, как сегодня.

– Пока что хватит с меня одного племянника! – со смехом ответил дядя. – Позвольте и мне поблагодарить вас за любезное гостеприимство и пожелать всего наилучшего. Кстати,

отнюдь не исключено, что мы, – тут он нежно прижал к себе Карла, – во время следующей поездки в Европу сойдемся с вами покороче.

– Всей душой буду рад, – поклонился капитан.

Оба господина обменялись рукопожатиями, Карл же едва успел без слов протянуть капитану руку, ибо тот уже всецело переключился на новых посетителей, человек пятнадцать, которые во главе с Шубалем хоть и не без робости, но все равно с шумом заходили в кают-компанию. Матрос, испросив у сенатора разрешения идти первым, проложил им дорогу, так что они легко прошли сквозь коридор почтительно кланяющихся людей. Похоже, все эти в общем-то добродушные люди воспринимали спор Шубаля с кочегаром как уморительный спектакль, потешность которого не могло устранить даже присутствие капитана. Карл заметил среди них и кухарку Лину, которая, озорно ему подмигнув, повязывала сброшенный матросом передник, – значит, передник был ее.

Следуя за матросом, они вышли из кают-компания, свернули в боковой коридорчик, который вскоре привел их к узкой дверце, а уж за ней открылся и трап, спущенный к приготовленной для них шлюпке. Матросы в шлюпке, куда одним молодецким прыжком соскочил их провожатый, встали и отдали честь. Сенатор как раз предупреждал Карла спускаться осторожнее, когда тот, еще на верхней ступеньке, вдруг разрыдался. Ласково обхватив Карла за подбородок, сенатор прижал его к себе и другой рукой поглаживал, стараясь успокоить. Так, тесно обнявшись, они медленно, ступенька за ступенькой, спустились вниз и сошли в лодку, где сенатор заботливо усадил Карла напротив себя. По знаку сенатора матросы оттолкнулись и дружно налегли на весла. Не успели они отплыть и нескольких метров, как Карл неожиданно для себя обнаружил, что они оказались на той же стороне, куда выходят окна кают-компания. Ко всем трем окнам прильнули сейчас свидетели Шубаля, они радостно их приветствовали, махали на прощанье, так что даже дядя жестом их поблагодарил, а один из матросов вообще исхитрился, не бросая весел, все же послать им воздушный поцелуй. Словно и не было никогда никакого кочегара! Карл пристальней взглянул на дядю, который сидел совсем близко, почти прикасаясь к нему коленями, и засомневался: сумеет ли этот человек хоть когда-нибудь заменить ему кочегара. К тому же дядя почему-то отводил глаза и смотрел на волны, весело плясавшие вокруг шлюпки.

Глава вторая

Дядя

В доме дяди Карл быстро освоился с непривычной обстановкой. Правда, и дядя охотно потакал ему во всякой мелочи, так что Карлу не пришлось ничему учиться на горьком опыте, который на первых порах так омрачает обычно жизнь эмигранта на чужбине.

Комната Карла находилась на шестом этаже большого здания, пять нижних этажей которого, да еще три подвальных занимала дядина фирма. Свет, приветливо лившийся в комнату через два окна и балконную дверь, всякий раз повергал Карла в веселое изумление, когда он по утрам выходил сюда из своей крохотной спальни. А где бы он ютился сейчас, сойди он на берег жалким, бедным эмигрантом? Да его вообще – дядя, насколько он был сведущ в законах об эмигрантах, считал это вполне вероятным, – вообще могли не впустить в Соединенные Штаты, а отправили бы обратно домой, ничуть не заботясь о том, что ему некуда возвращаться. Ибо на сострадание здесь рассчитывать не приходится, в этом отношении все, что Карл читал об Америке, оказалось именно так; лишь счастливы – зато уж в полной мере – наслаждались здесь своим счастьем в окружении беззаботных улыбок себе подобных.

Узкий балкон простирался по стене во всю длину комнаты. Но с этого балкона, который в родном городе Карла наверняка был бы самой высокой смотровой площадкой, здесь открывался вид, можно считать, лишь на одну улицу, что между двумя рядами буквально обрубленных поверху домов пролежала идеальной стрелой и именно потому как бы улетала и терялась вдали, где в самом конце сквозь тяжелое, сизое марево грозно дыбились мрачные контуры гигантского собора. И утром, и днем, и самой глубокой ночью вся улица жила суматошным, непрерывным движением, которое, если смотреть сверху, представлялось копошащимся и ползущим во все стороны месивом из перекошенных, сплюснутых человеческих фигурок и крыш автомашин и экипажей всех видов и форм, а от него поднималось ввысь другое, еще более многообразное и дикое месиво шумов, пыли и запахов, и все это было охвачено и пронизано нестерпимо ярким светом, который, отражаясь от плоскостей и дробясь на гранях, рассыпаясь и сливаясь вновь, был ощутим обескураженным оком как нечто столь телесное, что казалось, будто над этой улицей, по всей ее площади, ежесекундно вдребезги разбивают огромный лист стекла.

Дядя, осторожный во всем, советовал Карлу до поры до времени ни за что всерьез не браться. Пусть сперва оглядится, присмотрится, но особенно увлекаться и вникать в подробности пока не стоит. Ведь первые дни европейца в Америке – все равно что второе рождение, и хотя обживаешься здесь куда скорей, чем при вступлении в наш мир из небытия, – так что слишком пугаться тоже не стоит, – надо все-таки иметь в виду, что первые впечатления всегда обманчивы, и нельзя допустить, чтобы они затронули или, не дай Бог, нарушили последующие, более устойчивые, с которыми Карлу предстоит здесь жить. Он, дядя, сам знал некоторых новоприбывших, которые, к примеру, вместо того, чтобы следовать этому правилу, целыми днями простаивали на балконе, глаза на улицу, как бараны. А это кого угодно собьет с толку! Подобное безделье, в полном одиночестве взирающее с высоты на многотрудные нью-йоркские будни, пристало, а возможно, хотя тоже не без оговорок, даже полезно какому-нибудь праздному туристу, но для всякого, кто решил здесь остаться, это просто порча, да, применительно к данному случаю можно спокойно употребить это слово, пусть оно и отдает некоторым преувеличением. Лицо дяди и вправду перекашивалось от досады, когда он, приходя к Карлу, – а такие визиты случались лишь раз в день, но всегда в

самое разное время, – заставлял того на балконе. Карл вскоре это заметил и впредь старался отказывать себе в этом удовольствии – по возможности.

Балкон, впрочем, был далеко не единственной его отрадой. В комнате у него стоял американский письменный стол лучшей марки, о каком годами мечтал отец, разыскивая его по всевозможным аукционам и надеясь приобрести по сколько-нибудь доступной цене, что при его скромных средствах так и не удалось. Разумеется, те якобы американские письменные столы, что самозванцами всплывают на европейских аукционах, с этим столом нечего было и сравнивать. У этого, к примеру, в надставке была целая сотня отделений, так что даже сам президент Соединенных Штатов нашел бы здесь полочку для каждой из своих государственных бумаг. Но, кроме того, сбоку имелся еще и регулятор, поворачивая рукоятку которого можно было менять и переставлять отделения по своему усмотрению и вкусу. Тонкие боковые перегородки послушно накренились и укладывались, превращаясь в дно или крышку новых отделений, одного поворота рукоятки было достаточно, чтобы вся конструкция преобразилась полностью, причем происходило все это, повинувшись малейшей прихоти руки, то медленно и плавно, то невероятно быстро. Хоть это было и новейшее изобретение, но оно живо напомнило Карлу ясли Христовы, какие дома, на родине, словно магнитом притягивали к себе детвору на всех рождественских базарах, и сам Карл тоже не раз в восторге замирал перед ними, замороженно следя, как вместе с оборотами ручки, которую крутил приставленный к этому делу старик, движется волшебная карусель рождественских чудес, вышагивают запинаящейся, кукольной походкой три волхва, вспыхивает, проплывая в небе, огонек звезды, тихо вершится своя укромная жизнь в святом вертепе. И ему все казалось, что мама, стоявшая у него за спиной, смотрит не очень внимательно, он тянул ее за руку, пока не прижимался к ней совсем, и до тех пор с громким криком показывал ей всякие мелочи – какого-нибудь зайчонка, который, приближаясь, все больше вырастал из травы, а потом, поднявшись столбиком и наострив ушки, стремительно убежал, – пока мама не прикрывала ему рот ладонью, очевидно, снова впадая в свою рассеянную задумчивость. Стол, понятно, не для того был предназначен, чтобы напоминать о подобных вещах, но в истории самого изобретения, наверное, все же была какая-то смутная связь с ними, как и в воспоминаниях Карла. Дядя в отличие от Карла новомодный стол решительно не одобрял, он-то хотел купить Карлу нормальный приличный письменный стол, однако с недавних пор все столы были снабжены таким вот новейшим устройством, которое – и в этом тоже заключалось одно из его преимуществ – за небольшую плату можно было вделывать и в столы старого образца. Хоть стол ему и не нравился, дядя все же не преминул посоветовать Карлу регулятором по возможности не пользоваться вовсе, а чтобы совет звучал весомей, не раз предупреждал, что вся эта механика чертовски капризна и легко ломается, ремонт же обходится непозволительно дорого. Нетрудно было заметить, что подобные рассуждения – всего лишь уловка, но, с другой стороны, отдавая дяде должное, надо признать, что регулятор ничего не стоило просто закрепить намертво, а он этого делать не стал.

В первые дни, когда Карл, понятно, чаще виделся и говорил с дядей, он среди прочего однажды упомянул, что у себя дома хоть и совсем немного, но с удовольствием играл на пианино, одолев, правда, только азы, которым его обучила мама. Карл, конечно же, прекрасно понимал, что подобный рассказ равносильен просьбе, но он уже достаточно огляделся, чтобы усвоить: дядя отнюдь не бедствует. Просьба, однако, была исполнена совсем не сразу, но все же примерно неделю спустя дядя тоном почти недобровольного согласия сообщил, что пианино доставлено и Карл, если желает, может проследить за транспортировкой инструмента в комнату. Это была, конечно, не бог весть какая трудная работа, впрочем, не намного легче самой транспортировки, поскольку в доме имелся специальный грузовой лифт, куда с лихвой вошел бы целый вагон мебели, – в этом-то лифте пианино и приплыло на шестой этаж к дверям комнаты Карла. Сам Карл тоже мог подняться в одном лифте с пианино и грузчиками,

но, поскольку рядом пустовал пассажирский лифт, он поехал в пассажирском и с помощью рукоятки управления держался вровень с грузовым, сквозь стеклянные стенки неотрывно разглядывая прекрасный инструмент, который теперь был его собственностью. Когда наконец пианино поставили в комнате и Карл взял первые аккорды, его обуял такой дурацкий восторг, что он, прекратив игру, на радостях даже подпрыгнул и, встав поодаль и уперев руки в боки, снова принялся рассматривать пианино со всех сторон. Да и акустика в комнате была отличная, благодаря чему чувство первоначального неуютя от жизни в стальном доме постепенно исчезло совсем. И в самом деле, сколь ни враждебно смотрелся поблескивающий металлом дом снаружи, внутри, в комнате, ничто не напоминало о его стальной сущности и ни одна даже самая незначительная мелочь обстановки не могла вспугнуть ощущение полнейшего покоя и удобства. В первое время Карл возлагал большие надежды на свою игру и даже не стеснялся, по крайней мере на сон грядущий, помечтать о благотворном непосредственном воздействии своей музыки на сумбурную американскую жизнь. Оно и впрямь звучало странно, когда Карл, настезь распахнув окна, наперекор волнам уличного шума играл старинную солдатскую песню своей родины, ту, которую по вечерам, вторя друг другу, распевали солдаты, свесившись из окон казармы и поглядывая на опустевший, темный плац, – но, выглянув в окно, он убеждался, что улица все та же, всего лишь крохотная частица великой круговерти, которую невозможно остановить, не ведая всех таинственных сил, что гонят ее по кругу. Дядя терпел его игру безропотно, ни слова не говоря (тем более что и Карл, опасаясь упреков, не слишком часто позволял себе это удовольствие), – больше того, он как-то даже принес Карлу ноты американских маршей и, разумеется, национального гимна, однако только любовью к музыке вряд ли можно объяснить тот случай, когда он без всяких шуток спросил, не желает ли Карл обучаться еще игре на скрипке или валторне.

Естественно, первым и главным делом Карла был английский. Молодой преподаватель высшего коммерческого училища каждое утро появлялся в комнате Карла ровно в семь и неизменно заставлял своего ученика либо за письменным столом над тетрадями, либо расхаживающим по комнате, зазубривая что-то наизусть. Карл прекрасно понимал, что в изучении английского любых успехов недостаточно, а кроме того, именно тут ему открывались самые благоприятные возможности чрезвычайно порадовать дядю незаурядными достижениями. И действительно, если поначалу в разговорах с дядей весь английский ограничивался словами приветствия и прощанья, то теперь Карлу все чаще удавалось подолгу переходить в этих беседах на английский, что, кстати, способствовало все большей их задушевности. Первое американское стихотворение – что-то о пламенных страстях, – которое Карл однажды вечером продекламировал дяде, повергло того в состояние глубокой и умиротворенной задумчивости. Они оба стояли тогда у окна в комнате Карла, дядя смотрел вдаль, где с меркнувшего неба уже смазались все светлые краски, и прочувствованно выбивал такт в ладоши, а Карл, стоя рядом навытяжку, с застывшим взглядом выдавливал из себя трудные стихи.

Чем приличней звучал английский Карла, тем с большим удовольствием дядя сводил его со своими знакомыми, распорядившись, впрочем, на всякий случай, чтобы английский преподаватель на этих встречах неизменно присутствовал и всегда держался от Карла поблизости. Самым первым, кому Карл был представлен, оказался стройный, невероятно гибкий молодой человек, которого дядя, буквально осыпая комплиментами, однажды перед обедом ввел к Карлу в комнату. Это был, очевидно, один из многих – по мнению родителей, совершенно неудавшихся – миллионерских сынков, чей досуг протекал таким образом, что всякий нормальный человек без сердечной боли не смог бы проследить за жизнью этого юноши. А он, словно понимая это и чувствуя, стойко нес свое бремя, покуда достанет сил, с неизменной улыбкой счастья на устах и во взоре, даруя эту улыбку себе, собеседнику и вообще всему свету.

С этим молодым человеком, господином Маком, при безусловном и горячем одобрении дяди было тут же договорено каждое утро, в половине шестого, кататься верхом – либо в манеже, либо просто так, на природе. Карл сперва колебался, он в жизни не садился на лошадь и хотел сперва немного подучиться, но дядя и Мак так настойчиво его уговаривали, так дружно уверяли, что верховая езда – одно удовольствие и полезный спорт, а вовсе никакое не искусство, что он в конце концов согласился. Теперь, правда, ему приходилось подниматься уже в половине пятого, о чем он порой горько сожалел, так как здесь, в Америке, вследствие постоянной сосредоточенности, его то и дело клонило ко сну, однако в ванной комнате все сожаления вскоре улетучивались. Над чашей ванны во всю ее длину и ширину протянулось мелкое сито душа, – у кого из его одноклассников, будь он даже богат из богатей, там, дома, могло быть хоть что-либо подобное, да еще на себя одного! – а Карл, пожалуйста, лежит, и даже руки в этой ванне может раскинуть, и по своему усмотрению, хочешь – по всей площади, хочешь – частями, низвергает на себя упругие потоки теплой, потом горячей, потом снова теплой, а под конец – обжигающе ледяной воды. Так он лежал, храня в проснувшемся теле уходящее блаженство недавнего сна, и особенно любил подставлять сомкнутые веки последним, отдельным каплям, которые ласково щекотали кожу, струйками стекая по лицу.

В манеже, куда Карла доставлял гордый, как крейсер, дядин лимузин, его уже дожидался английский преподаватель, тогда как Мак неизменно приходил чуть позже. Но он-то мог задерживаться сколько угодно, ибо настоящая, увлекательная езда все равно начиналась лишь с его приходом. Кто объяснит, почему, едва он входил, лошади стряхивали с себя прежнюю полудрему и начинали вставать на дыбы, почему шелк хлыста разносился теперь на весь зал, откуда на галерее, что опоясывала манеж, группами и поодиночке возникали люди – конюхи, ученики, просто зрители и бог весть кто еще? Ну, а время до прихода Мака Карл тоже старался использовать, чтобы освоить хотя бы самые начальные азы верховой езды. Был там один жокей, до того длинный, что, лишь слегка приподняв руку, доставал до холки самой крупной лошади, вот он-то и давал Карлу первые уроки, продолжительность которых, впрочем, не превышала обычно и четверти часа. Надо сказать, что успехи Карла были здесь не слишком велики, и на протяжении занятий он не раз имел возможность попрактиковаться в жалобных английских восклицаниях, когда, задыхаясь, выкрикивал их своему английскому преподавателю, который, прислонившись всегда к одному и тому же дверному косяку, почти засыпал стоя. Но приходил Мак – и почти все тяготы верховой езды мигом кончались. Долговязого тут же куда-то отсылали, и вскоре в еще полутемном манеже исчезало все – только слышался стук копыт на галопе, только виднелась вскинутая рука Мака, отдающая Карлу команды. Полчаса этого удовольствия пролетало как сон – и все было кончено. Мак, всегда в страшной спешке, прощался с Карлом, иногда, если был особенно им доволен, трепал по щеке и исчезал, не находя времени даже на то, чтобы вместе с Карлом дойти до двери. Карл сажал преподавателя в автомобиль, и они ехали домой на английский урок – как правило, круглыми путями, ибо в суতোлке большой улицы, которая вообще-то вела напрямик от дядиного дома к манежу, терялось слишком много времени. Вскоре, впрочем, преподаватель перестал его сопровождать хотя бы сюда, – Карл, терзаясь угрызениями совести, что понапрасну таскает с собой в манеж замученного человека, тем более что общение с Маком было донельзя бесхитростным, попросил дядю избавить преподавателя от этой повинности. После некоторого раздумья дядя его просьбе уступил.

Прошло довольно много времени, прежде чем дядя согласился показать Карлу, да и то наспех, свою фирму, хотя Карл давно его об этом спрашивал. Это была своего рода торгово-посредническая и экспедиционная фирма, о каких Карл, сколько ни старался припомнить, в Европе вообще не слыхивал. Фирма хоть и занималась посреднической торговлей, но товар поставляла не от производителей к потребителям или торговцам, а осуществляла

посредническое снабжение товарами и всеми видами сырья для крупных фабричных картелей и между ними. Таким образом, в задачи фирмы входили закупка, складирование, продажа и доставка огромных партий различных товаров, а также поддержка бесперебойного и абсолютно точного телефонного и телеграфного сообщения с клиентами. Телеграфный зал был здесь не меньше, а, пожалуй, больше, чем телеграф в родном городе Карла, в служебные помещения которого он однажды проник стараниями вхожего туда одноклассника. В телефонном зале, куда ни глянь, ходуном ходили двери телефонных кабинок, и трезвон стоял умопомрачительный. Одну из этих дверей, самую ближнюю, дядя открыл: в залитой ярким электрическим светом кабине, безразличный к любым посторонним шумам за спиной, сидел стенографист, голова туго перехвачена стальной лентой, прижимавшей к ушам наушники. Правая рука, отяжелевшая и будто прикованная, покоилась на столике, и лишь пальцы, стиснувшие карандаш, дергались с нечеловеческой быстротой и ритмичностью. Изредка он бросал скупые, отрывистые реплики в переговорную трубку, и иногда казалось даже, что он порывается что-то возразить или переспросить поточнее, однако слова собеседника на другом конце провода вынуждали его, подавив в себе этот порыв, снова опустить глаза и записывать. Он и не должен ничего говорить, тихо объяснил Карлу дядя, ибо то же самое сообщение одновременно с ним принимают еще два стенографиста, и все три текста потом тщательнейшим образом сверяются, так что ошибки и недоразумения почти исключены. Едва они вышли из кабины, в дверь тут же прошмыгнул практикант и сразу же выскочил со свежесписанным листком очередного сообщения. По центру зала, на проходе, толчея была, как на улице. Люди сновали взад-вперед, никто не здоровался, приветствия здесь были упразднены, каждый применялся к побежке впереди идущего и смотрел либо в пол, как бы надеясь ускорить его продвижение под ногами, либо в свои бумаги, выхватывая оттуда, вероятно, лишь отдельные, прыгающие на бегу слова и цифры.

– Ты и вправду широко развернулся, – заметил Карл во время одной из таких вылазок на фирму, весь осмотр которой – даже если просто ненадолго заглядывать в каждый отдел – потребовал бы многих дней.

– И притом заметь, я сам все это поставил. Тридцать лет назад у меня была только маленькая контора возле порта, и если там в день отпускали пять ящиков, это считалось много и я шел домой, пыжась от гордости. А сегодня мои склады – третьи в порту по вместимости, а в той конторе теперь столовая и подсобка пятьдесят шестой бригады моих грузчиков.

– Но ведь это почти чудо, – изумился Карл.

– А тут все быстро делается, – сказал дядя, обрывая разговор.

Однажды дядя зашел к нему перед самым обедом, который Карл, как обычно, думал проглотить в скучном одиночестве, велел ему немедленно надеть черный костюм и идти обедать к нему: он пригласил двух своих приятелей и компаньонов. Пока Карл переодевался в соседней комнате, дядя присел за письменный стол и, просмотрев только что законченное задание по английскому, хлопнул ладонью по столу и громко воскликнул:

– И впрямь отлично!

После такой похвалы и переодевание пошло у Карла быстрее, но он в самом деле был уже довольно спокоен за свой английский.

В дядиной столовой, которую Карл запомнил еще с первого вечера своего приезда, навстречу поднялись два высоких, весьма упитанных господина, один – некто Грин, второй – некто Полландер, как выяснилось в ходе дальнейшей застольной беседы. Ведь дядя, как правило, даже вскользь не говорил с Карлом о своих знакомых, предоставляя племяннику самому во всем разбираться и извлекать для себя все необходимое и интересное. После того как непосредственно за едой были доверительно обсуждены сугубо деловые вопросы, что с успехом заменило Карлу обстоятельную лекцию по английским коммерческим выраже-

ниям, – самого Карла в это время не замечали вовсе, предоставив ему тихо заниматься своей едой, будто на дитя малое, которого первым делом следует хорошо накормить, – господин Грин, весь подавшись вперед и явно стараясь как можно разборчивей выговаривать родные английские слова, задал Карлу простейший вопрос о его первых американских впечатлениях. В наступившей тишине, искоса поглядывая на дядю, Карл ответил довольно подробно, постаравшись, дабы сделать собеседнику приятное, окрасить свою речь нью-йоркскими словечками. Одно из таких его выражений было встречено дружным смехом, Карл даже испугался, уж не сделал ли ошибку, но нет, как тут же заверил его господин Полландер, он, напротив, высказался весьма удачно. Этот господин Полландер, похоже, вообще проникся к Карлу особым расположением, и, покуда дядя с господином Грином снова углубились в разговор о делах, он, жестом пригласив Карла перебраться вместе с креслом к нему поближе, сперва расспрашивал о всякой всячине, поинтересовавшись его именем, происхождением, подробностями его путешествия, а потом, чтобы дать наконец Карлу передышку, смеясь и покашливая, скороговоркой рассказал о себе и своей дочери, с которой они живут на небольшой вилле неподалеку от Нью-Йорка, где он-то, правда, бывает только по вечерам, поскольку он банкир, а это ремесло целыми днями держит его в городе. Карл, кстати, тут же был весьма сердечно приглашен на эту виллу выбраться, ведь он, новоиспеченный американец, наверняка испытывает потребность иногда отдохнуть от Нью-Йорка. Карл, не откладывая, спросил у дяди, разрешит ли тот принять столь любезное приглашение, на что дядя ответил вежливым и вроде бы даже радостным согласием, не оговорив, однако, против ожиданий Карла и господина Полландера, точных сроков поездки и, похоже, даже не думая их намечать.

Однако уже назавтра Карл был срочно вызван в дядин кабинет – у него в одном только этом доме было десять разных кабинетов, – где застал дядю и господина Полландера, с довольно замкнутым видом возлежащими в креслах.

– Господин Полландер, – проговорил дядя, лица которого в вечернем сумраке было почти не видно, – приехал забрать тебя к себе на виллу, как мы вчера договорились.

– Я не знал, что это уже сегодня, – ответил Карл. – Если б знал, я бы собрался.

– Если ты не собрался, может, стоит отложить визит на другой раз? – рассудил дядя.

– Какие там сборы! – вскричал господин Полландер. – Молодой человек всегда должен быть в боевой готовности!

– Дело не в нем, – возразил дядя, поворачиваясь к своему гостю. – Но ему пришлось бы подниматься к себе в комнату, а это вас задержит.

– Ничего, и на это времени хватит, – заверил господин Полландер. – Я предвидел заминку и пораньше покончил с делами.

– Видишь, сколько хлопот уже причиняет твой визит, – укоризненно сказал дядя.

– Мне очень жаль, – смущенно пробормотал Карл. – Но я в два счета. – И уже собрался умчаться.

– Да не торопитесь вы так, – успокоил его господин Полландер. – Ни малейших хлопот вы мне не причинили, напротив, ваш визит для меня большая радость.

– Но ты пропускаешь завтра манеж, надеюсь, ты отменил занятия?

– Нет, – признался Карл. Эта поездка, которой он так обрадовался, уже начинала его тяготить. – Я же не знал.

– Однако все равно хочешь ехать? – не унимался дядя.

Но господин Полландер, этот милейший человек, и тут пришел ему на выручку:

– Мы по дороге заедем в манеж и все уладим.

– Что ж, это еще куда ни шло, – уступил дядя. – Но Мак тебя будет ждать.

– Ждать он меня не будет, – ответил Карл, – но прийти придет.

– Ну и? – проговорил дядя таким тоном, словно ответ Карла ни в коей мере не являлся оправданием.

Но и тут последнее слово осталось за господином Полландером.

– Но ведь Клара (это была дочь господина Полландера) тоже его ждет, причем уже сегодня вечером, и, видимо, имеет право на предпочтение?

– Безусловно, – неохотно согласился дядя. – Ну что ж, беги к себе в комнату, – сказал он и несколько раз как бы в рассеянности пристукнул ладонью по подлокотнику кресла.

Карл был уже в дверях, когда дядя остановил его еще одним вопросом:

– Но на английский урок завтра утром ты, надеюсь, явишься?

– Но позвольте! – в изумлении воскликнул господин Полландер, тщетно пытаясь повернуться в кресле всем своим грузным телом. – Неужели ему нельзя провести у нас хотя бы завтрашний день? А послезавтра к утру я привез бы его обратно.

– Ни в коем случае, – отрезал дядя. – Я не могу до такой степени запускать его занятия. Позднее, когда он начнет жить размеренной трудовой жизнью, я с удовольствием разрешу ему воспользоваться столь любезным и лестным приглашением даже на более длительный срок.

«Что у них за споры?» – недоумевал Карл.

Господин Полландер заметно погрузтел.

– На один вечер и одну ночь, пожалуй, и впрямь не стоит.

– Вот и я так полагал, – сухо заметил дядя.

– Надо брать, что дают, – решил вдруг господин Полландер и снова рассмеялся. – Итак, я жду! – крикнул он Карлу, который, благо дядя ни слова больше не проронил, стремглав бросился наверх.

Когда Карл, готовый к отъезду, вскоре вернулся в кабинет, он застал там только господина Полландера, а дяди уже не было. Господин Полландер, сияя от счастья, схватил Карла за обе руки и начал трясти, словно изо всех сил хотел увериться, что Карл и вправду с ним едет. Карл, еще разгоряченный от спешки, ответил ему тем же, так он был рад, что его все-таки отпустили.

– Дядя не очень сердился, что я еду?

– Да нет же! Это он так, больше для виду. Просто он слишком близко к сердцу принимает ваше воспитание.

– Это он вам сам так сказал, что сердится больше для виду?

– Ну, конечно, – протянул господин Полландер, доказав тем самым, что врать он умеет плохо.

– Странно, что он так неохотно меня отпустил, ведь вы его друг.

Господин Полландер, хоть и не признавался в открытую, тоже не находил объяснения этой странности, и оба они, плавно катя в автомобиле господина Полландера сквозь теплый вечер, еще долго об этом раздумывали, беседуя, правда, совершенно о другом.

Они сидели тесно, бок о бок, и господин Полландер, рассказывая, держал руку Карла в своей. Карл хотел побольше услышать о барышне Кларе, словно ему не терпелось поскорее приехать и рассказы господина Полландера способны домчать их до цели быстрее, чем его автомобиль. И хотя он ни разу еще не ездил по вечерним нью-йоркским улицам, а вокруг, по тротуарам и мостовым, ежесекундно меняя направление, как под порывами штормового ветра, волнами раскатывался многоголосый шум, производимый, казалось, не людьми, а какой-то чуждой стихией, Карл словно ничего этого и не замечал, стараясь не пропустить ни одного слова господина Полландера и не сводя глаз с его темной жилетки, на которой, тяжело опадая, покоилась золотая цепочка. С улиц, где оголтелая публика в паническом страхе опоздать, летящей припрыжкой и в машинах, выскакивая из них чуть ли не на ходу, устремлялась к толкучке театральных подъездов, они выбрались в районы потише, потом на окраины и, наконец, в предместья, где их автомобиль то и дело начали останавливать и сворачивать в переулки конные полицейские, поскольку все главные улицы, как оказалось, заняты демон-

страцией бастующих металлистов и открыты лишь для поперечного проезда на нескольких перекрестках, да и то в случае крайней необходимости. Когда потом, выныривая из темноты узких, глухим рокотом отзывающихся переулков, автомобиль пересекал какую-нибудь из этих улиц, шириною с целую площадь, по обе стороны в безнадежных, нескончаемых перспективах взгляду открывались тротуары с протянувшимися по ним черными вереницами людей, которые медленно, мелкими шажками куда-то двигались, а всю улицу заполняло их пение, более слитное, чем голос одного человека. На расчищенной от толпы проезжей части кое-где можно было заметить то полицейского на неподвижно застывшем коне, то людей с флагами или протянутыми через всю улицу транспарантами, то какого-нибудь рабочего вожака в окружении соратников и ординарцев, то вагон электрического трамвая, который недостаточно шустро убегал от демонстрации и вот теперь, настигнутый, стоял с темными, пустыми окнами, а водитель и кондуктор коротали время, усевшись на подножке. Горстки зевак, глаза на демонстрантов, держались от них подальше, но с места не двигались, хоть и не знали толком, что тут, собственно, происходит. Карл, безмятежно откинувшись на руку господина Полландера, обнявшего его за плечи, тоже ни о чем таком не помышлял, счастливая уверенность, что скоро он будет желанным гостем в уютном, освещенном доме, под защитой надежных стен, под охраной сторожевых псов, наполняла его душу блаженным покоем, и хоть из-за подступающей сонливости он уже не все речи господина Полландера воспринимал отчетливо или по крайней мере без пропусков, однако время от времени он встряхивался и протирал глаза, желая еще раз ненадолго убедиться, что господин Полландер его сонливости не замечает, ибо уж этого-то Карл любой ценой хотел избежать.

Глава третья

Особняк под Нью-Йорком

– Вот и приехали, – раздался голос господина Полландера как раз в один из таких упущенных Карлом промежутков.

Автомобиль стоял у ворот особняка, который, на манер всех загородных вилл нью-йоркских богачей, был куда выше и внушительней, чем это необходимо для загородного дома на одну семью. Поскольку светились лишь нижние окна здания, невозможно было даже приблизительно оценить высоту его укутанных тьмой очертаний. За решеткой ограды шелестели каштаны, меж которыми – калитка была уже распахнута – пролегла прямая дорожка к сбегаящей навстречу парадной лестнице. По тому, как затекло все тело, Карл рассудил, что ехали они все-таки довольно долго. Во мраке каштановой аллеи девичий голос неожиданно близко произнес:

– А вот наконец и господин Якоб!

– Моя фамилия Росман, – ответил Карл, беря протянутую ему руку девушки, чей силуэт он только теперь угадал в темноте.

– Он же только племянник Якоба, – пояснил господин Полландер. – А зовут его Карл Росман.

– Это нисколько не умаляет нашу радость его здесь видеть, – сказала девушка, видимо, вообще не придавая именам особого значения.

Тем не менее Карл, направляясь между девушкой и господином Полландером к дому, на всякий случай спросил:

– А вы, сударыня, наверно, и есть Клара?

– Да, – ответила она, повернув к нему теперь уже различимое в свете окон лицо. – Просто я не хотела в темноте представляться.

«Что же, она так и ждала нас у калитки?» – успел удивиться Карл, на ходу постепенно просыпаясь.

– У нас, кстати, сегодня еще один гость, – сообщила Клара.

– Быть не может! – воскликнул господин Полландер с досадой.

– Господин Грин, – добавила она.

– А когда он приехал? – спросил Карл, словно осененный каким-то неясным предчувствием.

– Да прямо перед вами. Я думала, вы слышали его машину.

Карл взглянул на господина Полландера, стараясь понять, как он расценивает этот визит, но тот, держа руки в карманах, только чуть грузнее затопал по дорожке.

– Никакого толку жить просто под Нью-Йорком, покоя все равно не дадут. Нет, надо переезжать еще дальше. Пусть я хоть полночи буду домой добираться.

У лестницы они остановились.

– Но господин Грин давно у нас не был, – робко заметила Клара, очевидно, полностью согласная с отцом, но желая как-то его успокоить.

– Да, но кто его просил приезжать именно сегодня! – воскликнул господин Полландер, и казалось, речь его яростно слетает прямо с толстой нижней губы, которая мясистым розовым валиком так и запрыгала над подбородком.

– Это уж точно, – согласилась Клара.

– Может, он скоро уедет? – предположил Карл, сам удивляясь, как быстро оказался заодно с этими еще вчера совершенно чужими людьми.

– О нет, – сказала Клара, – у него к папе какое-то серьезное дело, и разговор, наверное, будет долгий, он уже в шутку грозился, что, если я хочу прослыть вежливой хозяйкой, мне придется сидеть с ними до утра.

– Этого еще не хватало! Значит, он останется на ночь, – простонал Полландер, как будто теперь наконец сбылись самые худшие его предположения. – По правде говоря, – продолжил он, и от этой новой мысли лицо его сразу просветлело, – по правде говоря, лучше уж мне, господин Росман, сразу усадить вас в автомобиль и отвезти обратно к дяде. Сегодняшний вечер, можно считать, заведомо пропал, а кто знает, когда ваш дядя снова вас к нам отпустит. Если же я вас сегодня привезу, он в следующий раз не сможет нам отказать.

И он уже подхватил было Карла под руку, намереваясь осуществить свой замысел. Но Карл не тронулся с места, да и Клара стала просить его оставить, по крайней мере ей и Карлу господин Грин нисколько не помешает, так что и сам Полландер мало-помалу начал колебаться в своем намерении. А кроме того – и это, видимо, решило дело, – с верхней площадки парадной лестницы внезапно раздался зычный голос господина Грина, вызывающий во тьму сада:

– Эй, где вы там?

– Пошли! – сказал Полландер и шагнул на лестницу.

Следом за ним двинулись Карл и Клара, осторожно присматриваясь друг к другу в наплывающем свете.

«Какие у нее губы алые», – мелькнуло у Карла, и, вспомнив о губах господина Полландера, он подивился, как прекрасно преображены они на лице его дочери.

– Когда отужинаем, – так она выразилась, – мы с вами, если не возражаете, сразу пойдем в мою комнату, чтобы хоть нам избавиться от этого господина Грина, раз уж папе все равно с ним заниматься. И вы не откажете в любезности немножко мне поиграть, папа мне уже рассказал, как замечательно вы это умеете. А я, к сожалению, к занятиям музыкой совсем не способна и к своему пианино не притрагиваюсь, хотя вообще-то музыку ужасно люблю.

Такое предложение, конечно, пришлось Карлу по душе, хоть он был бы и не прочь завлечь в их общество еще и господина Полландера. Однако при виде гигантской фигуры Грина – к размерам Полландера Карл уже как-то по привычке, – которая выростала на глазах по мере того, как они поднимались по лестнице, всякая надежда каким-либо образом вызволить сегодня господина Полландера из лап этого великана оставила Карла напрочь.

Господин Грин встретил их очень деловито, словно многое предстояло наверстать, сразу взял господина Полландера под руку и, слегка подталкивая перед собой Карла и Клару, увлек всех в столовую, которая – особенно благодаря цветам на столе, клонившим стебли из всплеска свежей, остролистой зелени, – выглядела очень нарядно и вдвойне заставляла сожалеть о назойливом присутствии господина Грина. Не успел Карл, стоя у стола и дожидаясь, пока сядут остальные, порадоваться тому, что большая дверь в сад обеими своими створками распахнута настежь и в комнате, словно в садовой беседке, веет свежестью и благоуханием, как господин Грин, пыхтя, принялся ее закрывать, нагнулся к нижней щеколде, потянулся к верхней, и все это с такой юношеской резвостью, что подоспевший было слуга остался совершенно не у дел. Первыми словами господина Грина за столом были слова удивления по поводу того, что Карл получил добро дяди на этот визит. Отправляя в рот одну ложку супа за другой, он объяснял, обращаясь то направо к Кларе, то налево к господину Полландеру, почему его это так удивляет, и как дядя над Карлом трясется, и сколь вообще велика любовь дяди к Карлу, – мол, не всякий родитель питает к своему чаду столь же пылкие чувства.

«Мало того, что он сюда без спросу заявился, так он еще лезет в мои отношения с дядей!» – возмутился Карл и не мог больше проглотить ни ложки ароматного, мерцающего золотистыми глазками супа. Но потом, не желая показывать, как неприятен ему весь этот разговор, все-таки снова начал есть, молча заглывая ложку за ложкой. Ужин тянулся мучи-

тельно, как пытка. Только господин Грин и еще, быть может, Клара были оживлены и иногда находили случай немного посмеяться. Господин Полландер лишь изредка вступал в беседу, когда господин Грин заводил разговор о делах. Но он и от таких разговоров как-то быстро отключался, пока господин Грин спустя некоторое время не застигал его врасплох очередным вопросом. Вообще же Грин как-то особенно напирал на то, – именно в этом месте Клара напомнила Карлу, который внимательно и встревоженно прислушивался, что он все-таки за ужином и у него стынет жаркое, – что он вовсе не намеревался наносить сегодня этот неожиданный визит. Потому что дело, о котором речь еще впереди, хоть и вправду весьма срочное, однако в общих чертах его можно было обсудить сегодня в городе, а уж всякие мелочи отложить до завтра или вообще на потом. Он и вправду еще задолго до закрытия зашел к господину Полландеру в банк, однако его уже не застал, вот и пришлось звонить домой, предупредить, что ночевать он не будет, и ехать сюда.

– В таком случае я должен попросить извинения, – громко произнес Карл, прежде чем кто-либо успел хоть слово сказать. – Это из-за меня господин Полландер сегодня раньше ушел из банка, о чем я весьма сожалею.

Господин Полландер поспешил прикрыть лицо салфеткой, а Клара хоть и улыбнулась Карлу, но не сочувственно, а скорее как бы пытаясь его одернуть.

– Да какие там извинения, – возразил господин Грин, уверенными, точными движениями разделявая жареного голубя у себя на тарелке. – Совсем напротив, я очень рад провести вечер в столь приятном обществе, чем ужинать в одиночестве дома под присмотром моей старухи экономки, которая настолько одряхлела, что с превеликим трудом доходит от двери до моего стола и я успеваю неплохо отдохнуть в своем кресле, наблюдая за этим ее путешествием. Лишь недавно мне удалось добиться, чтобы из кухни до дверей столовой блюда доставлял слуга, ну а уже проход от двери до стола она, как я понимаю, никому не уступит.

– Господи, – воскликнула Клара, – вот это верность!

– Да, не перевелась еще верность на свете, – изрек господин Грин, отправляя в рот очередной кусок, где его, как ненароком заметил Карл, с жадностью подхватил розовый, влажный и сильный язык.

Карлу едва не сделалось дурно, и он встал. В ту же секунду господин Полландер и Клара с двух сторон схватили его за руки.

– Что вы, что вы, сидите, – всполошилась Клара. А когда он сел, шепнула: – Скоро мы вместе сбежим. Наберитесь терпения.

Господин Грин между тем преспокойно продолжал есть, словно это самое обычное для господина Полландера и Клары дело – успокаивать Карла, если тому чуть не стало дурно по его милости.

Трапеза особенно затянулась из-за обстоятельств, с которой господин Грин воздавал должное каждому новому блюду, сохраняя, впрочем, недюжинные силы и энтузиазм для последующих, – похоже, он и впрямь вознамерился как следует отдохнуть от забот своей старушки экономки. Он то и дело принимался хвалить искусницу Клару, которая так замечательно ведет хозяйство, и той это явно льстило, тогда как Карлу казалось, будто Грин на нее посягает, и все время хотелось его осадить. Но господин Грин одной Klarой не довольствовался, не поднимая глаз от тарелки, он частенько сожалел о столь очевидном отсутствии аппетита у Карла. Господин Полландер даже взял Карла под защиту, хотя ему-то как гостеприимному хозяину, наоборот, полагалось бы Карла потчевать. Ощущая в течение всего ужина странную подавленность, Карл до того разнервничался, что, при всей своей расположенности к господину Полландеру, и вправду истолковал это заступничество как нелюбезность. Ничего удивительного, что при таком своем состоянии он то вдруг принимался есть неприлично быстро и много, то снова замирал, устало опустив нож и вилку, впадая в

столь отрешенное оцепенение, что подающий блюда слуга не знал, с какой стороны к нему подступиться.

– Завтра же расскажу господину сенатору, как вы огорчили бедняжку Клару своим неважным аппетитом, – пообещал господин Грин, соизволив подчеркнуть шутливость этих слов лишь тем, как он расправляется с бифштексом. – Вы только посмотрите на девочку, она же просто в отчаянии, – продолжил он, беря Клару за подбородок. Та не противилась, только закрыла глаза. – Ах ты, куколка моя! – воскликнул он и расхохотался, багровея сытым, наевшимся лицом.

Тщетно силился Карл понять необъяснимое поведение господина Полландера. Потупившись над тарелкой, тот не поднимает глаз, будто именно там, в тарелке, происходит все самое интересное. Он не придвинет стул Карла к себе поближе, а если что и говорит, то обращается ко всем сразу, лично же с Карлом ему вроде и не о чем побеседовать. Он, напротив, терпеливо сносит выходки Грина, этого старого прожженного нью-йоркского холостяка, который с недвусмысленными намерениями трогает его дочь, оскорбляет Карла, его гостя, или по меньшей мере обходится с ним как с ребенком, и вообще одному Богу известно, для каких таких дел он тут подкрепляется и что замышляет.

По окончании трапезы – Грин, почувствовав наконец общее настроение, встал первым и тем как бы подал команду остальным – Карл в одиночестве отошел в сторонку, к одному из больших, с узкими белыми продольными рейками окон, что вело на террасу и оказалось при ближайшем рассмотрении даже не окном, а дверью. Куда подевалась былая неприязнь, которую господин Полландер и Клара поначалу вроде бы испытывали к Грину и которую он, Карл, счел сперва даже несколько непонятной? Теперь же они стоят возле этого Грина и только кивают. Дым от сигары господина Грина, которой угостил его Полландер, – сигары такой толщины, что, наверное, именно о таких иногда рассказывал дома отец как о диковине, которую он своими глазами в жизни не видывал, – расползлся по зале и как бы разносил присутствие Грина даже в такие уголки и ниши, куда сам он ни за что не смог бы протиснуться. Как ни далеко стоял Карл, но все равно он чувствовал этот дым и у него щипало в носу, а все поведение господина Грина, на которого он отсюда лишь разок мельком оглянулся, представлялось ему просто беспардонным. Теперь он уже не исключал мысль, что дядя потому только так упорно пытался возбранить ему эту поездку, что, зная слабохарактерность господина Полландера, если не в точности предвидел, то уж наверняка допускал, что Карла каким-то образом могут в этом доме обидеть. Да и американская девица тоже ему не нравилась, хоть внешнею, надо признать, почти не обманула его ожиданий. А с тех пор, как Грин стал за ней увиваться, Карл даже поражался красоте, на которую, оказывается, способно ее лицо, в особенности же неукротимому блеску ее буйных, стреляющих глаз. И юбок вроде этой, чтобы так обтягивали тело, он отродясь не видывал, – вон как подернулась мелкими тугими складочками тонкая прочная желтоватая ткань. Но все равно Карлу она безразлична, и чем тащиться с ней в ее комнату, он, будь его воля, с радостью распахнул бы дверь, за ручку которой он сейчас на всякий случай обеими руками держался, и сел бы в машину или, если шофер уже спит, отправился бы до Нью-Йорка один, хоть пешком. Ясная ночь приветливым светом луны манила на свои просторы, и страшиться чего-либо там, на воле, казалось Карлу совсем уж глупым. Он вообразил – и впервые в этих стенах у него стало веселей на душе, – как поутру, раньше-то он вряд ли доберется, он ошеломит дядю своим возвращением. Он, правда, еще ни разу не был в дядиной спальне и даже не знает, где она находится, но уж как-нибудь отыщет. Он постучится в дверь и в ответ на сухое «войдите» вихрем ворвется в комнату и застигнет своего милого дядю, которого и видел-то прежде всегда только при костюме, только застегнутым на все пуговицы, врасплох – на кровати, в ночной рубашке, с изумлением взирающим на дверь. Само по себе это, конечно, не бог весть какое событие, но, если подумать, сколько же всего оно может за собой повлечь!

Быть может, они впервые вместе с дядей позавтракают, дядя еще в постели, Карл рядом в кресле, а завтрак между ними на маленьком столике; быть может, такой совместный завтрак войдет у них в обыкновение, и, быть может, благодаря таким вот завтракам – да, пожалуй, это почти неизбежно, – они станут видеться чаще, чем всего раз в день, как было прежде, и, разумеется, научатся проще, откровеннее, задушевней говорить друг с другом. Если он сегодня и был с дядей несколько непослушен, чтобы не сказать упрямым, так ведь это только от недостатка откровенности! И даже если сегодня ему придется остаться здесь на ночь – к сожалению, все, похоже, к тому и клонится, хоть его и бросили тут у окна одного, предоставив самому развлекать себя как угодно, – быть может, злосчастный этот визит повернет к лучшему их с дядей отношения, и, как знать, возможно, дядя сейчас у себя в спальне обдумывает такие же мысли?

Слегка утешив себя, он обернулся. Перед ним стояла Клара.

– Вам совсем у нас не нравится? – спросила она. – И совсем не хочется почувствовать себя как дома? Пойдемте, я попытаюсь в последний раз.

Через всю залу она повела его к дверям. В сторонке за столиком сидели Грин и Полландер, перед каждым в высоком бокале пенился какой-то неизвестный Карлу напиток, которого и он, кстати, не отказался бы попробовать. Господин Грин, облокотившись на столик и весь подавшись вперед, склонил лицо к господину Полландеру и что-то ему нашептывал; если не знать господина Полландера, впору было подумать, что они не сделку обсуждают, а задумали какое-то злодейство. И если господин Полландер дружеским взглядом проводил Карла до самой двери, то Грин, напротив, даже не подумал оглянуться, хотя это только естественно – проследить за взглядом собеседника, из чего Карл заключил, что Грин всем своим поведением как бы дает ему понять: либо ты, либо я, пусть каждый бьется за себя, а уж необходимые светские условности будут восстановлены только после победы одного и полного уничтожения другого.

«Если он так думает, – решил про себя Карл, – то он совсем дурак. Мне до него и дела нет, пусть и он оставит меня в покое». Едва оказавшись в коридоре, он успел подумать, что, наверное, повел себя невежливо, ибо так завороченно озирался на Грина, что Кларе чуть ли не силой пришлось вытаскивать его из комнаты. Тем охотнее пошел он теперь рядом с ней. Они шли по коридорам, и сперва Карл просто не поверил своим глазам, когда через каждые двадцать шагов им попадался замерший у стены слуга в богатой ливрее и с подсвечником, который он обеими руками держал на весу за массивное основание.

– Электричество провели пока только в столовую, – объяснила Клара. – Мы этот дом недавно купили и целиком перестраиваем, насколько вообще можно перестроить старый дом, да еще с такой прихотливой архитектурой.

– Значит, и в Америке уже есть старые дома, – заметил Карл.

– Конечно, – рассмеялась Клара, увлекая его дальше. – Странные у вас, однако, представления об Америке.

– Нечего надо мной смеяться, – сказал он сердито. В конце концов, он-то уже видел и Европу, и Америку, а она только Америку.

По пути, слегка протянув руку, Клара распахнула одну из дверей и, не останавливаясь, сообщила:

– Здесь вы будете спать.

Карлу, разумеется, захотелось туда заглянуть, но Клара раздраженно, почти срываясь на крик, заявила, что с этим успеется, а пока что пусть идет за ней. Карл заупрямился, они немного потягались у двери, но в конце концов Карл решил, что негоже ему во всем потакать девчонке, вырвал руку и вошел в комнату. Внезапно обступивший его мрак понемногу рассеялся лишь у окна, где мерно и тяжело покачивало всею кроной старое дерево. Слышалось пение птиц. В самой комнате, куда лунный свет еще не добрался, было трудно что-либо

различить. Карл пожалел, что не взял с собой электрический карманный фонарик – подарок дяди.

В таком доме фонарик просто необходим, несколько фонариков – и можно спокойно отправить прислугу спать. Он сел на подоконник и, вглядываясь во тьму, прислушался. Вспугнутая птица спросонок забила в листве могучего дерева. Далеко разнесся по округе гудок нью-йоркского пригородного поезда. И снова упала тишина.

Но ненадолго – в комнату нервно вошла Клара.

– Что все это значит?! – крикнула она с нескрываемой злостью и от ярости даже хлопнула себя по ляжкам. Будь она повежливей, Карл бы ответил. Но она, не дожидаясь, подскочила к нему и с криком: «Так идете вы или нет?» – то ли с умыслом, то ли просто в сердцах ткнула его в грудь, да так, что он неминуемо выпал бы из окна, если бы в последнюю секунду не успел зацепиться пятками за стенку и, еле удержав равновесие, соскользнул с подоконника, ощутив под ногами спасительный пол.

– Я чуть не свалился, – сказал он с упреком.

– И зря не свалились. Почему вы такой нескладный? Вот возьму – и снова вытолкну.

С этими словами она и вправду обхватила Карла и, слегка приподняв, – Карл, почувствовав, как напряглось все ее неожиданно сильное, тренированное тело, совсем опешил и в первую секунду даже не сопротивлялся, – едва не донесла до окна. Но тут, опомнившись, Карл резким движением вывернулся и сам ее схватил.

– Ах, вы мне делаете больно, – тут же пролепетала она.

Ну уж нет, теперь он ее не отпустит. Правда, Карл дал ей свободу идти куда вздумается, но рук не разжимал. К тому же в этом узком платье ее так легко держать.

– Пустите меня, – прошептала она. Ее разгоряченное лицо было совсем рядом, даже трудно смотреть ей в глаза, до того она близко. – Пустите меня, я вам что-то дам.

«Почему она так дышит, – удивлялся Карл, – ей вроде не больно, я ее даже не стиснул», – а сам и не думал ее отпустить.

Секунда молчаливого, неосмотрительного ожидания – и внезапно он снова почувствовал на себе нарастающую силу ее упругого тела: она вырвалась, провела хорошо отработанный верхний захват, каким-то неизвестным приемом ловко отбила его ногу, когда он попытался поставить ей подножку, и, великолепно держа дыхание, потащила его куда-то к стене. Там, однако, оказалась тахта, на нее-то она и бросила Карла, после чего, опасаясь, впрочем, слишком низко к нему наклоняться, сказала:

– А теперь только попробуй у меня шелохнуться!

– С ума сошла?! Вот бешеная! – только и смог выдать Карл, испытывая бессилие, ярость, стыд, – все вместе.

– Думай, что говоришь, – сказала она и, скользнув рукой по его шее, так сдавила горло, что Карл, не в силах продохнуть, только хватал ртом воздух, в то время как другой рукой она уже поглаживала его по щеке, время от времени отрывая ладонь и отводя ее все дальше, как бы примериваясь вклеить ему пощечину. – А что, если, – приговаривала она при этом, – что, если в наказание за такое обращение с дамой я надаю тебе пощечин и отправлю домой? Воспоминание у тебя, конечно, будет не из приятных, зато хороший урок на будущее. Да жалко, ты довольно смазливенький мальчик и, если бы обучался джиу-джитсу, наверно, мигом бы со мной управился. И все-таки, все-таки так и подмывает отхлестать тебя по мордасам, уж больно хорошо ты лежишь. Потом я, наверно, сама жалеть буду, так что имей в виду, если я это и сделаю, то почти против воли. Но уж конечно, одной оплеухой я не ограничусь, буду лупить направо и налево, пока у тебя все щечки не заплывут. А ты, как человек чести – а я почти верю, что ты человек чести, – не вынесешь позора этих пощечин и лишишь себя жизни. Вот только не пойму – чем я тебе не угодила? Или я тебе не нравлюсь? Неужели неохота пойти со мной в мою комнату? Стоп! Вот видишь, еще чуть-чуть, и я бы не удержи-

лась и вмазала. Так что если сегодня тебе это сойдет, то впредь будь повежливей. Я тебе не дядя, чтобы вокруг тебя тут плясать. Но вообще-то учти, что, если я отпущу тебя сегодня без пощечин, ты не должен думать, будто по кодексу чести это одно и то же – оказаться в твоём беспомощном положении или действительно схлопотать пощечину, а если ты не улавливаешь разницу, тогда уж лучше бы мне и вправду тебя отхлестать. То-то Мак посмеется, когда я ему все расскажу.

Вспомнив о Маке, она Карла отпустила, так что в его спутанном сознании Мак предстал чуть ли не избавителем. Какое-то время он еще чувствовал ее руку на своей шее, потом осторожно высвободился и затих.

Клара велела ему встать, но он не ответил, даже не пошелохнулся. Чиркнула спичка, в комнате стало светлее, из темноты проступил голубой узор плафона, но Карл лежал, откинувшись на подушки тахты, все в той же позе, в какой он оказался по милости Клары, и даже головы не поворачивал. Клара расхаживала по комнате, узкая юбка шуршала по ногам, потом, видимо, возле окна она надолго остановилась.

– Надулся? – донесся до него ее голос.

Карлу все это становилось в тягость – даже в этой комнате, отведенной ему господином Полландером для ночлега, его не оставляют в покое. С какой стати тут разгуливает эта девица, останавливается, что-то говорит, хотя она уже до смерти ему надоела? Поскорее уснуть, а завтра уехать – вот единственное его желание. И не надо никакой постели, он останется на тахте, лишь бы его никто не трогал. Он не мог дожидаться, когда же Клара наконец уйдет, чтобы одним прыжком подскочить к двери, щелкнуть задвижкой и снова броситься на тахту. Так хотелось потянуться, зевнуть – но не при Кларе же? Так он и лежал, уставившись в пустоту, чувствовал, как постепенно деревенеет лицо, перед глазами мелькала кружившая над ним муха, но даже ее он толком не замечал.

Клара снова подошла, склонилась над ним, перехватила его взгляд, так что ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не смотреть ей в глаза.

– Я сейчас уйду, – сказала она. – Может, немного погодя тебе все-таки захочется ко мне заглянуть. Моя дверь – четвертая отсюда по этой же стороне коридора. Так что ты выйдешь, три двери пройдешь, а четвертая будет моя. В зал я больше не спущусь, останусь у себя в комнате. Ты меня тоже порядочно вымотал. Не думай, что я тебя буду ждать, но если захочешь зайти – милости прошу. Не забудь, ты ведь обещал мне поиграть. Но, может, я тебя слишком утомила и тебе даже пошевелиться трудно – тогда оставайся тут и спи, а папе я о нашей стычке пока что ни слова не скажу – это я на тот случай, чтоб ты зря не беспокоился.

И с этими словами она бодро – несмотря на свою якобы усталость – выбежала из комнаты.

Карл тотчас же сел – лежать было уже совсем невмоготу. Чтобы размяться немного, он прошелся до двери, выглянул в коридор. Ну и темнотища! Он поскорей закрыл и замкнул дверь, лишь после этого, у стола, при свете свечи, ему стало полегче. Решение он принял такое: в этом доме он больше не останется, спустится сейчас к господину Полландеру, напрямик расскажет, как обошлась с ним Клара – признаться в своем поражении ему ничуть не стыдно, – и по этой вполне уважительной причине попросит разрешить ему уехать или даже уйти домой. Если же господин Полландер будет возражать против его немедленного отъезда или ухода, Карл в таком случае попросит, чтобы кто-то из слуг проводил его до ближайшей гостиницы. Конечно, подобным образом не очень-то принято поступать с радушными хозяевами, но поступать с гостями, как поступила с ним Клара, не принято и подавно. И она еще думает, что, пообещав ничего пока не рассказывать господину Полландеру об их стычке, делает ему любезность – это уж вообще неслыханная наглость! Его что, бороться сюда пригласили? Тогда, может, и впрямь было бы позорно, что его уложила на лопатки девчонка, которая, наверно, большую часть жизни только тем и занималась, что борцовские приемы

отрабатывала. Вон, даже сам Мак ей уроки давал. Пусть рассказывает ему сколько угодно, уж Мак-то человек разумный, Карл точно знает, хоть у него ни разу и не было случая самому в этом убедиться. Зато он, Карл, знает и другое: если бы Мак взялся его обучать, уж он-то, Карл, добился бы куда больших успехов, чем Клара, и тогда ж в один прекрасный день явился бы сюда, очень может быть, что и без приглашения, сперва, конечно, хорошенько обследовал бы место предстоящей схватки – большое преимущество Клары как раз и было в том, что она точно знала место, – а уж после скрутил бы эту самую Клару в бараний рог и выколотил бы ею всю пыль из той самой тахты, на которую она его сегодня бросила.

Теперь весь вопрос лишь в том, как найти обратную дорогу в зал, где он, кстати, по всей видимости, позабыл шляпу, оставив ее – так ему было поначалу неловко, – наверное, в самом неподходящем месте. Свечу он, конечно, прихватит с собой, но даже со светом тут непросто разобраться. Он, к примеру, напрочь не помнит, вот эта комната на том же этаже, что и зал, или выше? Когда сюда шли, Клара его всю дорогу так тащила, что он и оглядеться-то не успел. А тут еще этот Грин в голове да лакеи с подсвечниками, – короче, он просто понятия не имеет, проходили они одну лестницу или две, а может, и вообще лестниц не было? Так-то, на глаз, комната довольно высоко, поэтому он почти убедил себя, что по каким-то ступенькам они вроде бы поднимались, но, с другой стороны, из сада они тоже по лестнице вошли, да и эта сторона дома может быть выше! Если бы еще в этом проклятом коридоре хоть полоска света из-под двери или голос чей-нибудь, пусть издали, пусть тихий!

Карманные часы – дядя подарил – показывали одиннадцать, он взял свечу и шагнул в коридор. Дверь он оставил настежь – чтобы в случае чего, если поиски окажутся тщетными, хотя бы до своей комнаты добраться, а уж по ней – но это на самый худой конец! – найти и комнату Клары. Для пущей надежности, чтобы дверь ненароком сама не захлопнулась, он припер ее креслом. В коридоре сразу же обнаружилась досадная помеха: в лицо Карлу – а пошел он, понятно, не к Клариной двери, а налево – повеяло сквозняком, хоть и слабым, но вполне достаточным, чтобы загасить свечу, так что пришлось ему прикрывать пламя ладонью, да еще то и дело останавливаться, давая чахлому, трепещущему огоньку спасительную передышку. Медленное это было продвижение, и оттого путь казался вдвое длинней. Карл уже миновал нескончаемый, как тоннель, пролет коридора, где вовсе не было дверей, и терялся в догадках, что скрывается за этими глухими стенами. Потом опять одна за другой пошли двери, многие он пробовал открыть, но они были заперты, а комнаты явно нежилые. Какое чудовищное расточительство, Карл невольно подумал о восточных районах Нью-Йорка, которые дядя обещал ему показать, – там, по слухам, в одной комнатухе живут по несколько семей, а весь приют одного семейства составляет жалкий закуток, где дети кучей копошатся вокруг родителей. А тут столько комнат пропадает совершенно зря, лишь для того, чтобы пустотой отзываться на стук в дверь! Не иначе, какие-нибудь горе-приятели сбили господина Полландера с пути, да и дочь задурила голову, вот они все его и испортили. Дядя-то, уж конечно, давным-давно его раскусил, и только его твердое правило никак не влияет на суждения Карла о других людях послужило виной тому, что он, Карл, сюда приехал и теперь вот плутает по этим бесконечным коридорам. Завтра же он дяде так и скажет, а дядя в соответствии со своим твердым правилом охотно и спокойно выслушает суждение племянника о себе лично. К тому же это дядино правило – пожалуй, единственное, что Карлу в дяде не нравится, да и то «не нравится» – слишком сильно сказано, скорее уж не совсем нравится.

Неожиданно стена по одну из сторон коридора оборвалась, уступив место ледяному мрамору перил. Карл поставил свечку подле себя и осторожно свесился. На него дохнуло черным мраком пустоты. Если это парадный зал – в блике свечи вроде выхватился кусок сводчатого потолка, – тогда почему они через этот зал не входили в дом? И зачем вообще такое громадное, просто бездонное помещение? Здесь, наверху, чувствуешь себя как на цер-

ковных хорах. Карл уже почти сожалел, что не останется здесь до завтра, он с удовольствием обошел бы с господином Полландером весь дом, чтобы хозяин сам ему все показал и разъяснил.

Перила, впрочем, тянулись недолго, и вскоре его снова поглотил черный зев коридора. На каком-то неожиданном повороте Карл со всего маху наткнулся на стену, и лишь его неослабная забота о свече, которую он судорожно сжимал в руке, слава Богу, уберегла ту от падения – а если бы она упала и погасла? А коридор все не кончался, и нигде ни оконца, чтобы хоть выглянуть, и ни малейшего движения, ни звука, ни шороха, – Карл уже стал подумывать, а не идет ли коридор по кругу, он уже надеялся снова увидеть распахнутую дверь своей комнаты, но ни дверь, ни знакомые мраморные перила не возвращались. До сих пор он крепился и удерживался от крика, как-то неудобно шуметь в чужом доме, да еще в столь поздний час, но теперь решил, что в такой пустынной и темной громаде это, пожалуй, вполне простительно, и уже собрался огласить в обе стороны коридора громкое «Эй, кто-нибудь!», как вдруг где-то далеко позади, там, откуда он пришел, завидел слабый, зыбкий, но несомненно приближающийся огонек. Только теперь Карл смог оценить длину этого нескончаемого коридора – да это не дом, а целая крепость! Он так обрадовался, что, забыв о всех предосторожностях, ринулся на этот спасительный свет, и свеча в его руке в тот же миг погасла. Но Бог с ней, со свечой, она ему больше ни к чему, зачем свеча, когда вот же идет навстречу старый слуга с фонарем, уж он-то покажет ему дорогу.

– Кто вы такой? – спросил слуга и приблизил фонарь к лицу Карла, высветив тем самым и свое. Вид у него оказался весьма внушительный – главным образом из-за пышной, окладистой бороды, которая волнами ниспадала на грудь, завиваясь на концах тонкими шелковистыми колечками. «Должно быть, это очень верный слуга, раз ему позволяют носить такую бороду», – подумал Карл, с изумлением разглядывая эту бороду со всех сторон и ничуть не смущаясь тем, что самого его тоже весьма пристально рассматривают. Он, впрочем, тут же объяснил, что он гость господина Полландера, хотел из своей комнаты добраться до столовой, да вот заблудился.

– Ах, вон что, – сказал слуга. – Мы еще не провели электричество.

– Я знаю, – ответил Карл.

– Не хотите зажечь свечу от моей лампы? – предложил слуга.

– Ой, будьте добры, – признательно откликнулся Карл и протянул ему свечу.

– Здесь в коридорах дует ужасно, – заметил слуга, – свеча сразу гаснет, поэтому я и хожу с фонарем.

– Да, с фонарем гораздо удобней, – согласился Карл.

– Вы вон и закапались свечой, – сказал слуга и осветил фонарем костюм Карла.

– Ой, как же это я не заметил! – воскликнул Карл и не на шутку огорчился: ведь это его парадный черный костюм, про который дядя говорил, что он идет ему лучше всех. К тому же и схватка с Кларой вряд ли пошла костюму на пользу, вспомнил он. Слуга был настолько любезен, что принялся тотчас же костюм чистить – наспех, разумеется; Карл поворачивался перед ним так и эдак, указывая то на одно, то на другое пятно, а слуга послушно их соскребал.

– Почему, собственно, здесь так дует? – спросил Карл, когда они снова двинулись в путь.

– Так ведь еще строить сколько, – пояснил слуга. – Перестройку-то, правда, уже начали, но дело движется очень медленно. А тут еще и строители бастуют, вы, наверно, слышали. Одна морока с этим строительством. Стены-то в двух местах проломили, а замуровать некому, вот и гуляет сквозняк по всему дому. Я уж ватой уши затыкаю, а то совсем беда.

– Может, мне погромче говорить? – спросил Карл.

– Нет-нет, у вас ясный голос. Так вот, раз уж мы о стройке: тут, около часовни – ее вообще-то потом обязательно от остального дома отгородят, – такие сквозняки, просто сил нет.

– Значит, та мраморная лестница из коридора ведет в часовню?

– Ну да.

– Я так сразу и подумал.

– Часовня тут знатная, – заметил слуга. – Если бы не часовня, господин Мак, может, и не стал бы этот дом покупать.

– Господин Мак? – удивился Карл. – Я полагал, дом принадлежит господину Полландеру.

– Оно конечно, – подтвердил слуга. – Только последнее слово при покупке дома все-таки было за господином Маком. Или вы с ним незнакомы?

– Ну как же, – возразил Карл. – Но кем он приходится господину Полландеру?

– Так он жених нашей барышни, – сообщил слуга.

– Вот как. Этого я не знал, – сказал Карл и даже остановился.

– Вас это так удивляет? – спросил слуга.

– Вообще-то нет, просто как-то неожиданно. Когда не знаешь таких вещей, можно ведь и впросак попасть, – ответил Карл.

– Странно, что вам об этом не сказали, – удивился слуга.

– И в самом деле, – окончательно смешался Карл.

– Наверно, думали, вы и так знаете, – предположил слуга. – Это ведь не новость. Вот мы и пришли, – добавил он, распахнув дверь, за которой, и вправду, сбегала крутая лестница к дверям все так же, как и по приезде, сиявшей огнями столовой. Прежде чем Карл вошел в столовую, откуда все еще, как и добрых два часа назад, доносились голоса господина Полландера и господина Грина, слуга сказал: – Если хотите, я могу вас тут обождать и потом отведу в вашу комнату. А то с непривычки, да еще вечером, у нас трудновато разобраться.

– Я не вернусь к себе в комнату, – ответил Карл и, сам не зная почему, как-то вдруг погрустнел при этой мысли.

– Ничего, бывает и хуже, – сказал слуга со снисходительной улыбкой и даже слегка потрепал Карла по плечу.

Видимо, он истолковал слова Карла в том смысле, что Карл собирается всю ночь просидеть с господами в столовой и пить с ними. Карлу не хотелось пускаться в откровенности, а кроме того, он вдруг сообразил, что этот слуга, понравившийся ему больше других здешних слуг, может ведь потом показать ему дорогу к Нью-Йорку, и потому сказал:

– Раз уж вы сами предложили меня подождать, что, конечно, большая любезность с вашей стороны, я с благодарностью ею воспользуюсь. В любом случае я скоро вернусь и уж тогда скажу, что собираюсь делать. Полагаю, мне еще понадобится ваша помощь.

– Хорошо, – согласился слуга, поставил фонарь на пол и сел на низкий постамент, почему-то совершенно пустой, что, вероятно, тоже каким-то образом было связано с ремонтом. – Тогда я жду здесь. Свечу, кстати, тоже можете мне оставить, – добавил он, заметив, что Карл собрался идти в освещенный зал с горящей свечой.

– Ах да. Что-то я совсем не в себе, – пробормотал Карл, отдавая свечу слуге, который на это лишь кивнул, и неясно было – то ли он согласился с утверждением Карла, то ли просто пригладил рукой бороду.

Карл отворил дверь, которая тут же громко задребезжала – не по его, впрочем, вине, а потому, что сделана была из цельного стекла и почти прогибалась, когда ее так резко тянули за ручку. Карл, перепугавшись, даже не стал ее закрывать, он-то хотел войти как можно тише. Не оборачиваясь, он тем не менее спиной почувствовал, как слуга, должно быть, соскочив с постамента, прикрыл за ним дверь – аккуратно и без малейшего шума.

– Извините, что помешал, – обратился он сразу и к Полландеру, и к Грину, поднявшим на него свои большие удивленные лица. Одновременно он окинул взглядом весь зал – не лежит ли где на видном месте его шляпа. Но шляпы нигде не было, обеденный стол уже прибран, не иначе, шляпу по курьезному недоразумению унесли на кухню.

– Где же вы бросили Клару? – спросил господин Полландер, ничуть, похоже, не раздосадованный вторжением, ибо с живостью откинулся в кресле и всем корпусом повернулся к Карлу.

Господин Грин, напротив, с напускным безразличием извлек свой бумажник неописуемой толщины и столь же невероятных размеров и теперь с сосредоточенным видом что-то искал в бесчисленных его отделениях, заодно проглядывая и другие бумаги, которые попадались ему под руку во время этих поисков.

– У меня к вам одна просьба, только не поймите меня, пожалуйста, неправильно, – выпалил Карл, быстрым шагом подойдя к господину Полландеру, и в знак доверительности притронулся к подлокотнику его кресла.

– Что же это за просьба? – спросил господин Полландер, глядя на Карла простодушным, открытым взглядом. – Считайте, что она уже исполнена.

И, обняв Карла за пояс, притянул его к себе между колен. Ему Карл охотно это позволил, хотя вообще-то он давно уже не ребенок, чтобы так с ним обращаться. Да и просьбу теперь высказать, конечно, гораздо трудней.

– А как вам вообще у нас нравится? – спросил господин Полландер. – Не правда ли, после города здесь, на природе, как говорится, отдыхаешь душой? Вообще-то, – тут он, пользуясь тем, что Карл его заслонил, недвусмысленно покосился в сторону господина Грина, – вообще-то у меня здесь каждый вечер такое вот отдохновенное чувство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.